

Г. Шилько

Малая

Машр.

Варты
1956.

родина

очерки по истории
Богучанского района

часть I

Г. Шилько

Малая родина

Очерки
по истории
Богучанского
района

1 часть

Богучаны
2000

кое экологическое равновесие, существовавшее в природе. В этих записках использованы материалы красного и районного архивов, рассказы и записки старожилов, многих из которых уже нет на свете: Скурихина Иннокентия Николаевича, бывшего ответственного секретаря нашей газеты «Ангарская правда», Безруких Клавдии Ильиничны, старейшей учительницы, стоявшей у истоков образования в районе, Каверзина Петра Романовича, Смолина Александра Гавриловича, Смолина Ивана Ильича, Мутовина Александра Ивановича, Мутовина Василия Мордарьевича и многих-многих других, которые любезно предоставили мне свои воспоминания. Некоторые элементы повествования сделаны на собственных наблюдениях, которые копились с тридцатых годов. Хотелось, чтобы эти заметки принесли какую-то пользу для читателя, помогли оценить все то, что сделали наши предшественники в освоении Приангарья и, в частности, нашего района.

АВТОР.

Краткая характеристика района

БОГУЧАНСКИЙ район расположен в нижнем течении реки Ангары. Общая площадь его составляет 55,1 тысячи квадратных километров. Район расположен в таежной зоне и на 90 процентов покрыт лесами. Население в настоящее время составляет 56 тысяч человек, средняя плотность его в полтора раза ниже среднекраевой. С юга на север район тянется более чем на 200 километров, с востока на запад — на 200 километров.

Центр района — село Богучаны, основанное в 1642 году. Богучаны расположены на берегу Ангары и имеют координаты: 58 градусов 29 минут северной широты и 97 градусов 20 минут восточной долготы.

Климат района резко континентальный с суровыми холодными зимами и жарким сухим летом. Правда, в последнее время в связи с общим потеплением на планете и появлением большого числа водохранилищ климат несколько изменился: стали гораздо мягче зимы, а переходные периоды от зимы к лету и от лета к зиме стали более продолжительными и более смазанными. Если еще несколько десятков лет тому назад были короткие и бурные весны и посев зерновых происходил в начале мая, то сейчас этот процесс затягивается порой до конца мая, а сев даже заканчивается в начале июня. Уже реже встречаются зимы с жестокими, доходящими до пятидесяти градусов морозами. На изменение климата существенно влияет еще и то, что интенсивно вырубается

тайга, все больше становится вырубов. Невольно вспоминается доктор Астров из известной пьесы «Дядя Ваня», который говорит: «Ну, я допускаю, руби леса из нужды, но зачем уничтожать их? Русские леса трещат под топором, гибнут миллиарды деревьев, опустошаются жилища зверей и птиц, мелеют и гибнут реки, исчезают безвозвратно чудные пейзажи... Человек одарен разумом и творческой силой, чтобы приумножать то, что дано ему, но до сих пор он не творил, а разрушал».

До последнего времени Богучанский район был одним из ведущих в лесной отрасли края. В наиболее благоприятные годы, в период наибольшего расцвета района, лесозаготовительные предприятия готовили до 6 миллионов кубометров леса, а лесохимические предприятия — химлесхозы — до 10—12 тысяч тонн живицы. (Все данные за 1989 год).

В СВЯЗИ с теми процессами, которые происходят в стране, уровень заготовок и леса, и живицы падает. В 1996 году было заготовлено всего два миллиона кубометров древесины и восемьсот тонн живицы. Практически погибли крупные предприятия, известные не только в крае, но и в России, такие, как: «Богучанлес», «Карабулалес», «Чуноярлес», «Ангархимлес».

Если до середины пятидесятых годов в районе было хорошо развито сельское хозяйство и даже в какой-то мере оно преобладало над лесной промышленностью (и позже оно тоже имело немалый вес в экономике района), то в настоящее время оно утратило свое значение. Сейчас это в основном мелкие разрозненные крестьянские хозяйства, возникшие на базе разрушенных колхозов, в большинстве своем малопродуктивные и нерентабельные. В свое время сельское хозяйство района было одним из крупных поставщиков зерна и продуктов животноводства, но сейчас поля и сенокосные угодья используются не в полную силу, не отдавая землепашцу того, что могли бы дать. Урожайность зерновых упала до шести центнеров с гектара в то время, когда даже в самые неблагоприятные годы собирали до 10—12 центнеров.

В период наибольшего расцвета района неплохо был представлен строительный комплекс. В лучший 1989 год было построено и введено больше ста тысяч квадратных метров жилья, не считая объектов соцкультбыта. Существовавшие тогда строительные подразделения — ПМК-10, руководимая

Героём Социалистического труда Б. С. Егизаряном, СУ-38, СУ-49, ПМК-36, трест «Ангарлесстрой» — полностью обеспечивали строительство всех промышленных и иных объектов, а также занимались прокладкой технологических дорог круглогодочного действия.

В районе по сравнению с соседними — Мотыгинским, Кежемским — неплохо развита транспортная схема. Для связи с населенными пунктами почти везде есть дороги круглогодочного действия. Имеется железнодорожный выход на Транссибирскую магистраль. С введением дороги круглогодочного действия на Абан район получит круглогодичный выход на Канск и Красноярск. Основная водная артерия — Ангара — позволяет в летнее время осуществлять сплав древесины и благодаря паромным переправам иметь постоянную связь с правобережными поселками, осуществлять завоз грузов.

В недавнем прошлом аэропорт Богучаны был одним из крупных авиационных портов края, в день совершалось до ста взлетов-посадок. Воздушной связью Богучаны были связаны со всеми населенными пунктами района, соседними районами и краевым центром.

Интересен район и в геологическом плане. При относительно редкой сети геологосъемочных работ выявлен ряд месторождений природного газа, железных руд, цветных и редких металлов, угля, нерудных полезных ископаемых. Следует подчеркнуть, что последние тридцать лет перед геологами стояла задача поиска и разведки месторождений материалов для обеспечения строительства каскада гидроэлектростанций на Ангаре. Ведущиеся параллельно поиски углеводородного сырья позволили открыть ряд месторождений природного газа в промышленных масштабах, в числе которых — Агалеевское (в 70 километрах на северо-восток от Богучан) с предварительной оценкой запасов в 30 миллиардов кубометров, Имбинское (в 10 километрах от Богучан на север) с оценкой в 44,5 миллиарда кубометров газа. Разведаны запасы железных руд с высокой концентрацией железа. В нескольких десятках километров от Богучан находится Мадашенское месторождение титановых руд с сопутствующими редкоземельными элементами: цирконием, скандием, индием и другими. Открыты промышленные запасы бокситов для производства алюминия, большие запасы каменного угля, нерудных полезных ископаемых для производства строительных материалов: цемента, кирпича, извести.

Разработка и использование этих полезных ископаемых в будущем могут резко изменить и поднять экономику района, но это может быть только тогда, когда в их разработку будут вложены солидные средства и когда будет решена проблема энергетики, в особенности по правому берегу Ангары.

В ДОПЕРЕСТРОЕЧНЫЕ времена в районе была хорошо развита сфера соцкультбыта. В каждом поселке существовали Дома культуры, Дома быта, школы, детские сады, больницы, библиотеки. В настоящее время вся система образования осуществляется тридцатью двумя общеобразовательными школами, в которых работает более тысячи учителей. Четыре из них имеют высокое звание заслуженного учителя школ Российской Федерации. Особо надо отметить старейшую в районе Богучанскую среднюю школу № 1, которой в 1999 году исполнилось шестьдесят лет. За время своего существования школа дала не только сотни хороших рабочих, специалистов, учителей, врачей, инженеров, но и ученых, известных в стране. Пять учеников этой школы получили звание докторов наук.

Медицинское обслуживание населения осуществляется центральной районной больницей, имеющей квалифицированный медицинский персонал и неплохое медицинское оборудование. Есть стационар на 370 коек. В поселках действует девять участковых больниц, в каждом населенном пункте работают фельдшерско-акушерские пункты.

Центральная библиотека района имеет разветвленную сеть филиалов по населенным пунктам. Культурная жизнь поселков осуществляется системой Домов культуры, в которых работают кружки художественной самодеятельности. К сожалению, приходится констатировать тот факт, что за последнее время из-за недостатка средств деятельность и медицинских, и образовательных, и культурных заведений района получила тенденцию к упадку.

В районе определенные сложности есть и в отношении снабжения электроэнергией. Южная его часть снабжается от единой Восточно-Сибирской энергетической системы. Правобережные поселки до сих пор пользуются энергией от дизельных электростанций, что увеличивает стоимость электроэнергии, а следовательно, и стоимость продукции лесозаготовительных предприятий. Имеется проект переброски электроэнергии на правый берег Ангары. Решение этой проблемы — одна из насущных задач администрации района.

В перспективе есть надежда на строительство нефтепровода от Юрубченского месторождения нефти в Эвенкии через Богучанский район до соединения с Восточно-Сибирским нефтепроводом. Уже разработан проект переброски нефти, в случае исполнения которого значительно изменится экономический облик района.

В настоящее время Богучанский район испытывает определенные трудности в экономической жизни, превратившись из богатого донорского в район, на семьдесят процентов дотационный.

Заселение Приангарья,

ОБРАЗОВАНИЕ МИКРОЭТНИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «АНГАРЦЫ». ОБРАЗОВАНИЕ БОГУЧАНСКОГО РАЙОНА

Процесс освоения русскими Сибири был довольно долгим и достаточно сложным. Еще в XI веке новгородцам была известна Югорская земля, то есть северо-западная часть Сибири. В эти земли новгородцами направлялись лихие «ушкуйники» для пушного промысла и сбора ясака — дань с племен, населяющих эту часть неизведанной русскими земли. Слово ушкуйники происходит от древнерусского слова «ушкуй», означавшего большое речное судно с веслами. Отряды ушкуйников, составлявшие порой до тысячи человек, уходили для торгово-разбойничьих операций по северным рекам — Печоре, Мезени, по их притокам. Перетаскивая лодки по водоразделам волоком, по земле, они добравшись до побережья Ледовитого океана, открывая все новые и новые земли. В организации отрядов ушкуйников, наверное, в большей мере, чем новгородцы, принимали участие жители северо-западной части России из Архангельской и Северодвинской областей и жители побережья Ледовитого океана — поморы. Все это делалось с одной целью — расширение торговых связей и захват новых земель.

Образованное в XV веке Сибирское ханство, состоявшее из большого числа разрозненных племен, не могло противостоят целенаправленным походам «служилых людей»

Московского государства. Несмотря на то, что с Тюменским ханством, входящим в состав Сибирского, были установлены дипломатические отношения, русские все глубже и глубже проникали в сибирские земли. Особенно этот процесс усилился после начала походов сформированного Строгановыми отряда казаков под предводительством Ермака. Первый поход Ермак начал в 1582 году, то есть, если так можно выразиться, планомерное освоение или завоевание Сибири началось с этого года. Но в то же время нельзя отбрасывать и то, что с устьев северных рек Оби и Енисея все дальше вглубь Сибири проникали жители северо-западных областей России.

ЗАСЕЛЕНИЕ Приангарья начинается лишь в XVII веке. В те давние времена на территории нашего района проживали тунгусские племена — предки современных эвенков. Кочевники занимались оленеводством, охотой, рыбной ловлей. Между собой племена были связаны патриархально-родовыми связями. Князья родов подчинялись родовому или племенному собранию. Религиозные представления племен, в отличие от русских, стояли на самом низком уровне. Основной формой религии был шаманизм, заключающийся в поклонении духам предков и заклинании их. Считалось, что после заклинаний и жертвоприношений духи могут помочь в охоте, рыбалке, вылечить больных, влиять на окружающую природу, погоду. Общение с духами происходило во время «камланья», то есть моления служителя культа — шамана. Шаманы во время молений, сопровождаемых ритмичными ударами в бубен, прыжками, пением (часто горловым, когда окружающим казалось, что поют сразу два человека), доводили себя и окружающих до ритуального экстаза. В этот момент и самому шаману (а они, как правило, были людьми легко возбудимыми, способными вызывать у себя галлюцинации), и окружающим казалось, что они общаются с духами. И это общение позволяло вымолить у духов и удачу на охоте, и здоровье для больного. Интересно то, что верование тунгусов отложило определенный отпечаток на религиозные воззрения русских, хотя они и были православными христианами.

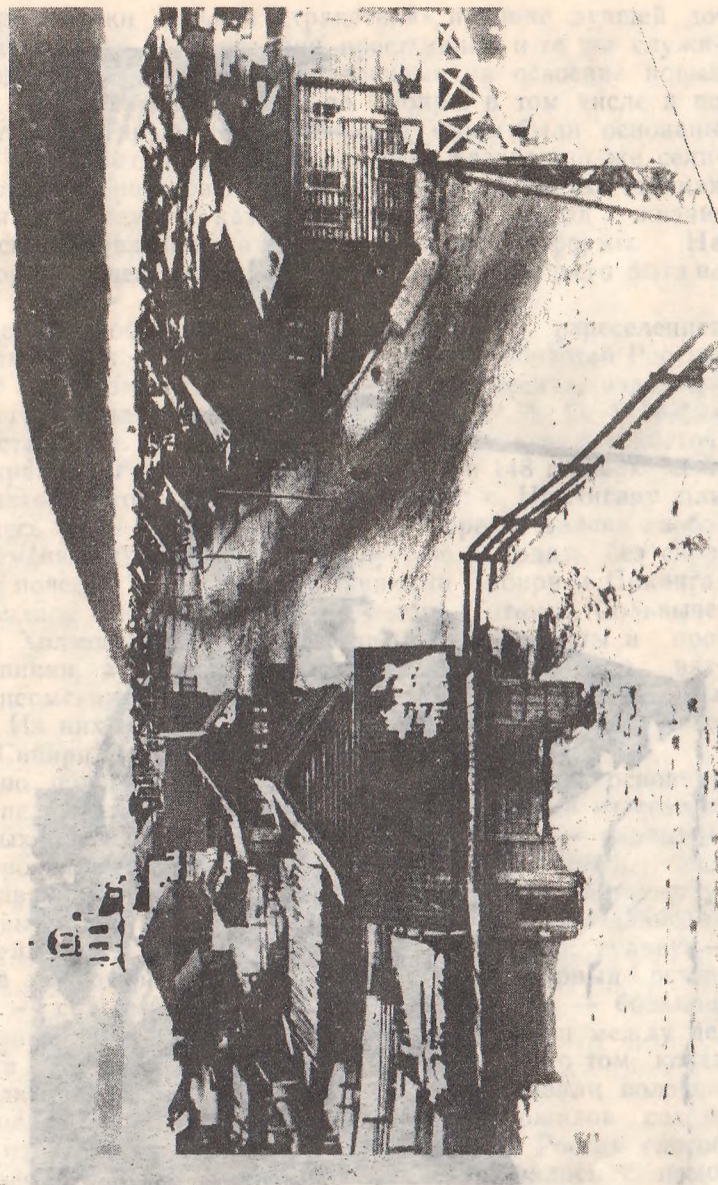
В начале XVII века русские вышли на Енисей. В 1601—1607 годах был построен четырехстенный пятибашенный город, названный Мангазея, как опорный пункт для продвижения вглубь Сибири, и был создан Мангазейский уезд, охва-

тывающий огромную территорию — весь енисейский север, верховья рек Оленек, Вилюй, весь бассейн рек Нижней и Подкаменной Тунгуски и нижнее течение Верхней Тунгуски, т. е. реки Ангары. Поднимаясь вверх по Енисею, землепроходцы вышли к устью Ангары и двигались по ней на восток.

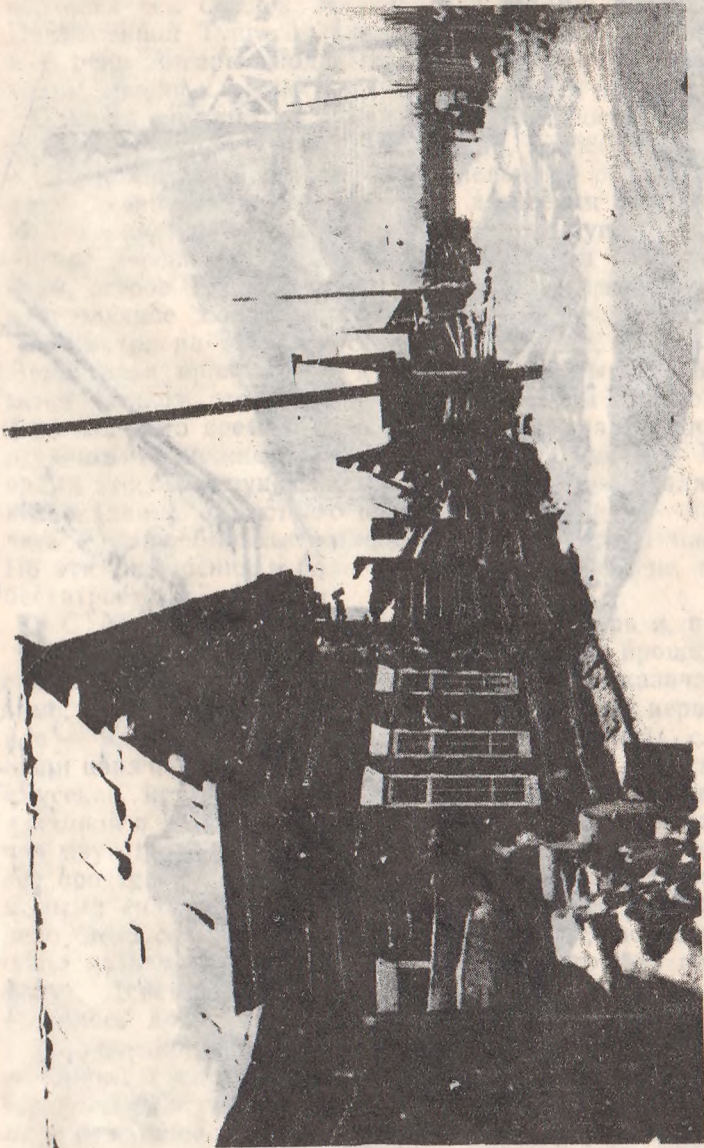
Одни за другим на Ангаре возникали поселения, остроги. В 1620 году был основан Тасеевский, в 1630 — Рыбинский, в 1631 — Братский остроги. Параллельно с острогами возникают деревни одно-двухдворки. В донесении царю Алексею Михайловичу, отцу Петра I, за 1642 год упоминается на Ангаре деревня Букачан, что по-эвенкийски означало бугор, холм, остров. Позже это название ассимилировалось в более благозвучное для русского языка — Богучаны.

Несмотря на то, что заселение Сибири и, в частности, Приангарья происходило в основном мирным путем, тем не менее остроги строились по всем правилам военной фортификации того времени и являлись форпостами, способными отразить возможные нападения кочевых племен. В то же время это были пункты, откуда уходили отряды для сбора ясака (дани) с местного населения. Оттуда же налаживались торговообменные отношения с тунгусскими племенами. Но эти отношения в большинстве своем были не в пользу бесхитростных тунгусов.

ВСТАЕТ вопрос: кем же заселялась Сибирь и, в частности, наше Приангарье? Казалось бы, что проще — русскими людьми. Но в связи с возрождением казачества, видимо, надо попробовать определить категорию первопроходцев — или это казаки, или просто переселенцы, служилые люди царя-батюшки. В книге историка Н. И. Костомарова «Русская история в жизнеописании главнейших деятелей», изданной в 1889 году, говорится: «В продолжении царствования двух первых Романовых русские подчинили себе почти все пространство северо-восточной Азии. С необыкновенно малыми силами и ничтожными затратами государства это дело было совершено вольными удалцами, носившими вообще название «козаков». (Стиль и орфография по оригиналу). Действительно, завоевание Сибири с Запада осуществлялось дружинами, то есть организованными воинскими подразделениями казаков. Освоение с Севера происходило поморами и жителями северо-западных районов России. За передовыми отрядами тех и других первопроходцев следовали и бежавшие от крепостного права крестьяне, своего

Церковь в Богучанах, 1930 г.

Восточная окраина Богучан.

рода «романтики дальних странствий», ищущие лучшей доли, прятаясь от наказания преступники и те же служилые люди царя-батюшки, направленные на освоение новых земель. Все основные деревни по Сибири, в том числе и по нашему Приангарью, в большинстве своем были основаны именно этой категорией переселенцев. Казачество же селилось вокруг форпостов-острогов, в этих поселениях-станциях сохранялся присущий казачьим станицам уклад жизни: атаманское правление, казачий круг, ношение формы. На территории нашего района этих атрибутов казачьего быта не было.

Свидетельством тому, что основную массу переселенцев составляли выходцы из северо-восточных областей России, служит много томный труд «Живописная Россия», изданный в 1895 году издательством «Товарищества М. О. Вольфа» в С.-Петербурге. В двенадцатом томе, посвященном восточным окраинам России, на страницах 147 и 148 в очерке «Ангара» автор, историк С. Максимов, пишет: «...На Ангару шли все. Здесь были все налицо: все, кому предоставлена свобода переменять худшие места на лучшие и ходить без спросу. Вот почему первыми насельниками Сибири и Приангарья явились жители северных городов (Тотьмы, Сольвычегодска, Холмогор, Великого Устюга) как торговцы и промышленники, а жители вологодского, архангельского, вятского, пермского и ближайших краев в качестве пашенных людей. Из них и образовалось старожильное коренное население Сибири...»

Можно почти с уверенностью утверждать, что основная масса переселенцев на Ангаре была выходцами из северо-западных областей России. Свидетельство тому — характерный протяжно-напевный выговор коренных ангарцев, еще сохранившийся кое-где в отдаленных деревнях, соответствующий выговору жителей Архангельской, Северодвинской областей. Много и совпадающих слов, например: гуливун — почевка под открытым небом, сиверко — северный ветер, падера — сильный шквалистый ветер, карбас — большая деревянная лодка. Еще не так давно расстояния между деревнями жители называли «волоком», памятуя о том, когда их предки, передвигаясь по речкам, перетаскивали волоком свои лодки по водоразделам. В памяти старожилков сохранился известный только в северных районах России способ изготовления изгородей, когда в землю вбивались с помо-

ицью воды два кола и они переплетались таловыми прутьями, на которые укладывались жерди. Только в северных районах России известен способ связывания бревен для плотов с помощью «виц» — размоченных в воде тонких стволиков пихты или таловых прутьев. Этот способ изготовления плотов сохранялся до начала тридцатых годов. Даже в леспромхозах в эти годы с помощью виц вязали плоты. Можно набрать очень много примеров совпадений и в способах ведения хозяйства, и в неприхотливой архитектуре строений, и в сохранившихся обычаях и быте с обычаями и бытом северо-западных областей России.

СВИДЕТЕЛЬСТВОМ тому, что наш район, как и почти все Приангарье, был заселен обыкновенными крестьянами-землепашцами, являются записи посла царя Алексея Михайловича Стефария Милеску. Молдавский ученый и дипломат, он находился на службе у русского царя. В 1675 году он был направлен послом в Китай. В июле того же года ученый начал свое путешествие по Верхней Тунгуске (Ангаре), как он пишет, к «морю Байкальскому». В своих записках Стефариий Милеску описывает весь маршрут, отмечая почти все значительные населенные пункты. В пределах нашего района он упоминает только о крошечных деревнях, состоящих из нескольких дворов. Говорит он о Каменке, стоящей у места впадения речки Каменка, говорит о деревне Логиновой (это нынешнее Иркинеево), о деревне Ереминой (нынешняя Пинчуга) и о том, что в шести верстах от нее из «гор каменных» выпадает речка. Описываются шиверы и пороги, но нигде не упоминается о поселениях казаков. И только говоря о деревне Чадомец (Чадобец), пишет: «Из Енисейска на речку Чадомец посылают для ясаку по 10 и по 12 человек казаков и собирается с реки Тунгуски, с реки Чадомы с тунгусов сорока по 70 и больше ясаку».

В 1859 году в Петербурге Статистическим комитетом Министерства внутренних дел были изданы «Списки населенных мест Российской империи», где перечисляются все населенные пункты по всем губерниям России, в том числе и по Енисейской губернии. Но в этих списках нет упоминаний о казачьих поселениях по Ангаре, там говорится только о крестьянских деревнях, о количестве дворов и «ревизских душ», то есть о тех, кто платит налоги. В частности, о Богучанах сказано: «С. Богучанское, 29 дворов, 193 жителя,

православная церковь, приходское училище, казенный запасный магазин». Есть еще более поздний документ — справка краевого музея о населении Пинчугской волости и Петро-Павловского церковного прихода, сделанная на основании документов Енисейской епархии и книги «Списков населенных пунктов Енисейской губернии», изданной Енисейским переселенческим управлением в 1911 году. В этом документе говорится о возникновении Петро-Павловского прихода и о населении его. Там черным по белому написано: «Основное ядро населения дали пришлые служилые люди, оставленные от походов казаков, гулящие люди и ссыльные, которые начали прибывать в Восточную Сибирь на Ангару с XVII века». Следовательно, поднятый в последние годы шум о том, что все коренное население — прямые потомки казаков, не имеет под собой твердой почвы. Тем более, что на всей территории нашего района не было казачьей атрибутики, да и до прихода Советской власти из Приангарья не брали на военную службу. Правда, в мобилизационных списках Енисейской губернии Приангарье входило в состав Енисейского казачьего войска, но не как казачье подразделение, а как просто военнообязанные и в случае крупномасштабного вооруженного конфликта могли быть призванными в армию на общих основаниях.

Существует еще одно ошибочное мнение, что прозвище всех сибиряков — «чалдон» — происходит от якобы переселенцев с рек Чал и Дон. Но реки Чал и в природе не существует, а переселенцев с Дона не так уж много. Видимо, это прозвище имеет какие-то другие корни, ведь называли же сибиряки переселенцев из центральных районов России «лопатоными» за то, что они приезжали в Сибирь в лаптях, которых здесь не знали.

Конечно, среди коренного населения есть потомки казаков, но оторванные от своей среды, они потеряли статус казака и стали обыкновенными крестьянами-хлебопашцами. Но кто бы ни создал население Приангарья, нашего района, надо отдать должное их мужеству за то, что они сумели закрепиться, пустить корни и выжить в экстремальных условиях Сибири того времени и дать основу для нас, живущих на завоеванной ими земле.

НЕЛЬЗЯ утверждать и то, что основное население нашего района сложилось из ссыльных. Да, ссылка в Восточную Сибирь началась, как уже говорилось, в XVII веке, но на

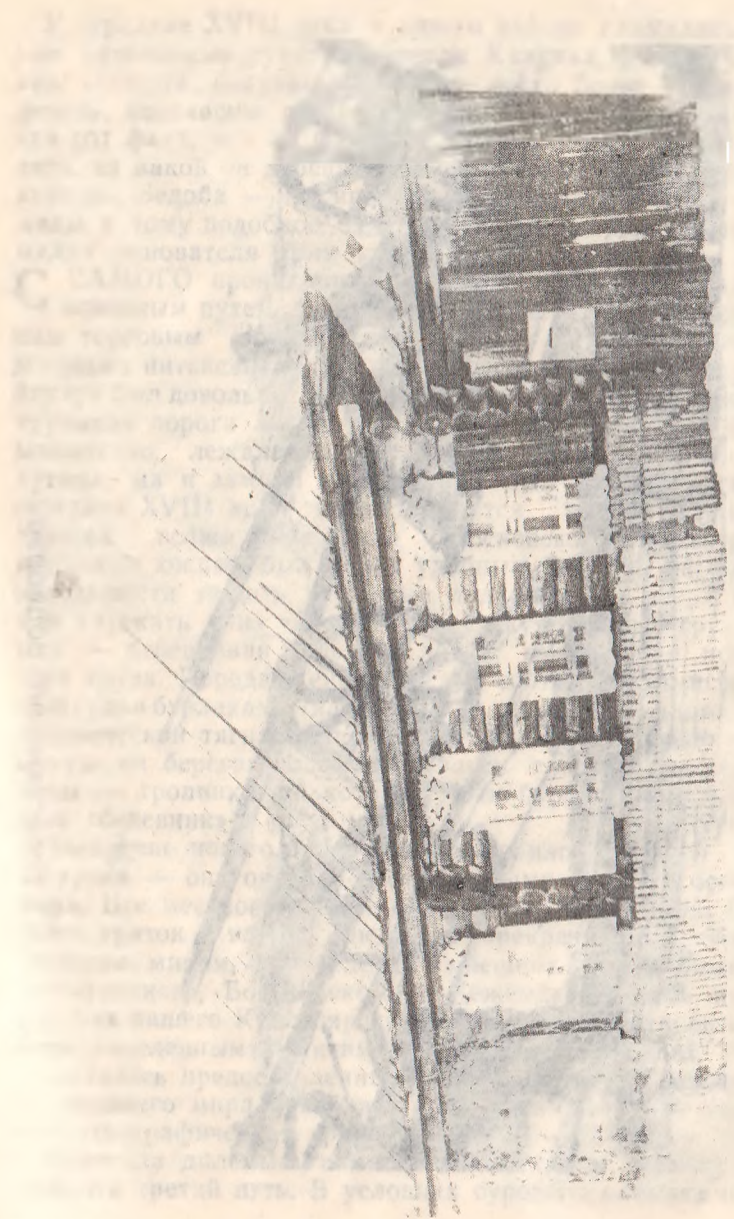
Ангаре первые ссыльные появились где-то в конце XVIII века, а основная масса — в середине XIX столетия. По данным Статистического управления Енисейской губернии, в 1662 году в губернию было выслано всего около трех тысяч человек. В 1709 году ссыльных было около шести тысяч, а к началу XX века количество сосланных — и уголовников, и политических — уже достигало тридцати. Большинство ссыльных на Ангаре были «политические», в основном сосланные в конце прошлого и начале нынешнего столетия. Как правило, большинство их по окончании ссылки уезжало, не оседая в этих, не очень благоприятных для жизни неприспособленного человека местах.

Что же касается нашего района, то известны несколько фамилий людей, высланных в середине прошлого столетия. Они остались на Ангаре и основали свои рода, удачно вписавшиеся в трудную жизнь ангарского крестьянина: Лопатины в Бедобе, Левицкие в Пинчуге. Последние были высланы за польское восстание 1868 года.

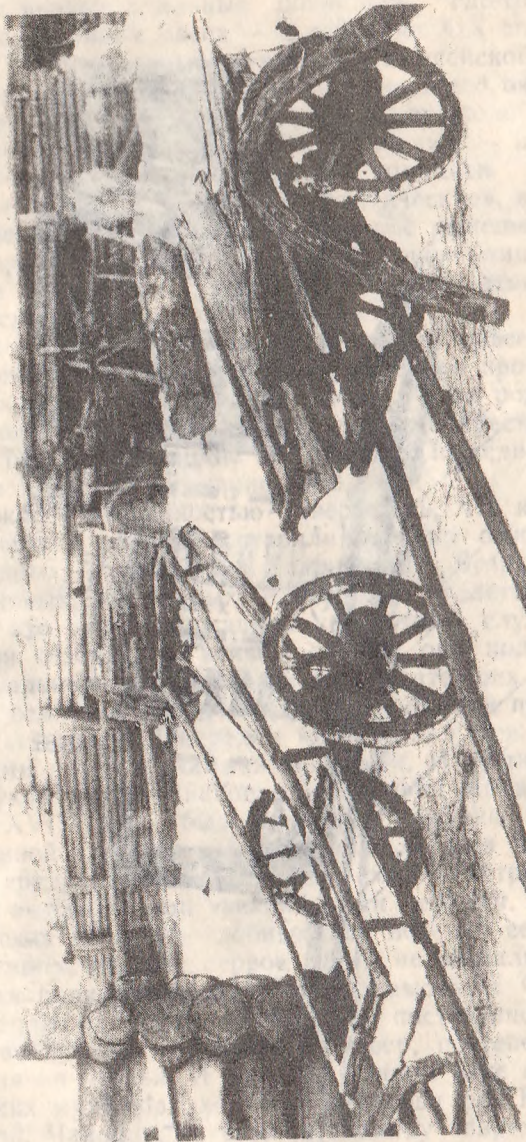
Можно с уверенностью утверждать, что коренное население нашего района составили потомки основателей родов Смолиных, Рукосуевых, Брюхановых, Безруких, Соседовых, Логиновых, Мутовиных, Каверзиных, Толстых. И какая разница, кто они — бежавшие крепостные, служилые люди царя или казаки? Во всяком случае, они подготовили почву для дальнейшего освоения этих богатейших мест.

На освоение новых территорий первыми прибывали мужики, и, естественно, нередки были браки между русскими мужиками и тунгусскими женщинами. Известно, например, что Безруких Ефим Иванович из деревни Ярки, умерший в начале XVIII века, был женат на тунгуске, впоследствии окрещенной и принявшей христианское имя Мария. И сейчас еще среди коренных ангарцев можно встретить людей с ярко выраженными эвенкийскими чертами.

Оседая на более удобных для ведения сельского хозяйства землях, русские первое время не мешали тунгусам заниматься привычными для них промыслами. Однако, распахивая поля, расчищая покосы, они постепенно оттесняли эвенков все дальше и дальше на север, постепенно занимая их охотничьи угодья. И уже в прошлом веке охотничьи угодья русских мужиков уходили в верховья рек Каменки, Иркинеевой, Чадобца, то есть на границу современного Эвенкийского округа.

Дом дьячка Ориентировочно построен в начале века

Крестьянское подворье

К середине XVIII века в нашем районе сложились основные населенные пункты: деревни Каменка, Манзя, Иркинеево, Пинчуга, Богучаны и т. д. — всего более двадцати деревень, входивших в бывшую Пинчугскую волость. Интересно тот факт, что по фамилии жителя можно было определить, из какой он деревни: Каменка, Ярки — Безруких; Иркинеево, Бедоба — Логиновы, Скурихины; Заимка — Смолины и тому подобное. В каждой деревне преобладала фамилия основателя этого населенного пункта.

С САМОГО проникновения русских на Ангару река была основным путем в продвижении на Восток и единственным торговым путем с Китаем. Этим объясняется довольно интенсивное заселение ее берегов. Но путь по Ангаре был довольно сложным. В летнее время движение затрудняли пороги и шиверы, которых на реке великое множество, лежала длительная осенняя и весенняя распутица, да и зимний санный путь был не из легких. К середине XVIII века прокладывается новый путь, получивший позже название Московского тракта. Он проходил южнее, был более удобным, так как не было необходимости тащить груженные лодки-илимки вверх бечевой или спускать вниз через пороги, рискуя утопить груз. (Илимка — деревянная большая лодка, вмещающая несколько тонн груза. Передвижение бечевой соответствует передвижению судов бурлаками на Волге, но на Ангаре часто вместо человеческой тяги применялась лошадиная. Еще до сих пор кое-где на берегах Ангары остались следы у самого уреза воды — тропинки, по которым шли бурлаки, и они назывались «бечевник»).

Появление нового пути резко изменило характер жизни ангарцев — они оказались отрезанными от всего остального мира. Все местное население оказалось в изоляции. Прекратился приток новых людей, прекратилось общение с внешним миром, и население нынешних трех районов — Мотыгинского, Богучанского и Кежемского (речь идет о районах нашего Красноярского края, но это относится и ко всем населенным пунктам, лежащим в верховьях Ангары) — осталось предоставленным самому себе. Эта отрезанность от внешнего мира привела к тому, что создалась своеобразная этнографическая группа населения — ангарцы.

Возникла дилемма: или переселяться, или погибнуть. Но нашелся третий путь. В условиях сурового климата ангарцы

сумели создать свой уклад жизни, не похожий на уклад жизни в других районах Сибири и тем более Центральной России. В условиях весьма рискованного земледелия они научились собирать значительные урожаи со своих полей. Развили скотоводство. Богатейшая по тем временам тайга позволяла заниматься охотой. В этом русскому крестьянину во многом помогли знания и умения эвенков, с которыми у ангарцев сложились дружественные отношения. Ангара, кишевшая в те времена рыбой, снабжала стол ангарца.

Оторванность от мира, отсутствие надежных торговых связей заставили развить все ремесла, необходимые для жизни в этих сложных условиях. Строили одним топором без единого гвоздя дома из корней лиственницы, делали сохи-рогальюхи, деревянные бороны и все, что было необходимо для сельхозработ. Выращивали лен и коноплю, из волокон которых ткали холсты для одежды, пеньку для веревок, материал для сетей. Велось натуральное хозяйство, обеспечивающее семью самым необходимым, без какого-либо внешнего вмешательства. От эвенков научились выделывать шкуры оленя и сохатого, из которых шили одежду, обувь. Из шкур домашних животных шили прочную, легкую и теплую обувь — знаменитые ангарские чирки и бродни.

В связи с малым общением с внешним миром все изделия из железа ценились чуть ли не на вес золота. И утеря или поломка ножа или топора была настоящей бедой.

Эта изоляция продолжалась практически до середины XIX века. Редкие, очень редкие купцы рисковали зимой пройти более трехсот верст от Канска через нехоженую тайгу для торговых операций с ангарцами. Или летом такое же расстояние бечевой от устья Ангары через пороги и шиверы. Правда, среди ангарцев были смелые и предприимчивые люди, которые рисковали сами добраться до торговых центров. Известно, что житель деревни Ярки Безруких Серапион Ефимович еще с тремя мужиками ездил продавать пушнину аж в Енисейск, но об этом рассказывали как о великом подвиге.

В середине XIX века появился постоянный санный путь в Канск, а по Ангаре все чаще стали навещаться купцы для скупки пушнины. Но все передвижение по Ангаре совершалось бечевой, и только в случае попутного ветра поль-

зовались парусом. Пароход появился лишь после прихода Советской власти.

БОЛЕЕ чем за три века Приангарье и наш будущий район претерпели в своем административном подчинении огромное количество изменений. Основанный город Мангазея, о котором уже говорилось, был центром огромного, охватывающего весь енисейский север, верховья рек Оленек, Виллюй, бассейны Нижней и Подкаменной Тунгусок, а также нижнее течение Верхней Тунгуски (Ангары) Мангазейского уезда. В 1630 году он разделился на три уезда: Мангазейский, Енисейский и Красноярский. А в 1639 году Енисейский и Красноярский были переданы так называемому Томскому разряду. В 1667 году был организован Енисейский разряд, и Енисейск приобрел статус главного города будущей Енисейской губернии.

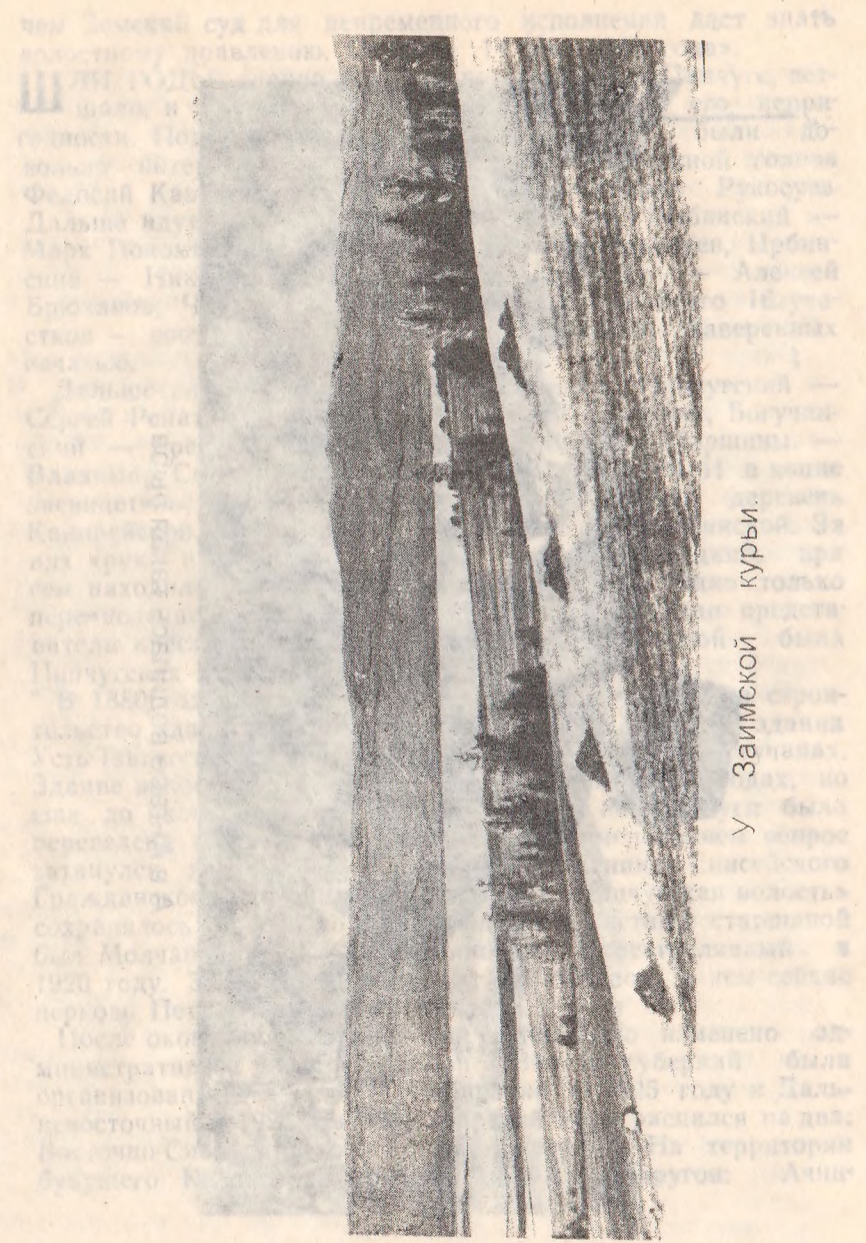
В Енисейский разряд одним из населенных пунктов входило и наше село, в то время еще деревня в несколько домов. В 1709 году все уезды Енисейского разряда вошли в состав Сибирской губернии с центром в Тобольске. И лишь в 1822 году образовалась Енисейская губерния, в состав которой вошли пять округов: Енисейский, Красноярский, Минусинский, Ачинский и Канский. Округа делились на уезды. Будущий Богучанский район входил в Канский округ.

В 1795 году в Богучанах была построена каменная церковь и был организован Петропавловский приход, так как храм был посвящен святым Петру и Павлу. Ввиду того, что это была единственная каменная, капитальная церковь и приход (а в функции прихода входило ведение актов гражданского состояния, то есть регистрация браков, рождений и смертей), то волость получила название Богучанской, несмотря на то, что в те времена центр волости находился в деревне Иркинеево. Это было связано с тем, что по речке Иркинеевке был прямой путь к тунгусским племенам, платившим ясак (налог) русскому царю. Кстати, название речки произошло от имени тунгусского князька по имени Иркинец. Естественно, что у жителей Богучан возникло желание перенести центр волости в Богучаны.

Сохранился любопытный документ — «Мировой приговор», датированный 1848 годом, в котором богучанцы просят перенести волостное правление в их село. Они пишут (сохраняется стиль документа того времени): «На мировой сходке

в волостном правлении учинили сей приговор в том, что, известясь от жителей села Богучанского, что в нынешней просьбе Богучанский отдельный заседатель Нечасв составил смету на постройку здания под волостное правление, предлагаемую на утверждение Высшим правительством». Но сход не согласился с ходатайством богучанцев, мотивируя свой ответ следующим: «А село то (Богучаны) заключается только в 66 ревизских душах, от коих жителей отмежевано на содержание священной церкви 9 десятин. Почему при устройстве в том селе волостного правления получено мало имения скотских выпасов. Не будучи возможным во время собрания нас на мировые сходы продовольствовать лошадей...». И дальше: «Сходы будут им наносить безвозвратно убыток бедноте нашему состоянию». Как видно из документа, богучанцы в те времена были не очень богатыми людьми. В этом обширном документе много раз упоминается о бедности богучанцев. И неожиданный вывод: мировая сходка просит перевести волость из Иркинеево в деревню Пинчуга: «Просим Высшее Правительство, если благоугодно будет устроить помянутое волостное правление на избранном нами и удобном для нас во всех предметах месте в деревне Пинчугской, в которой жителей против села Богучанского на 24 ревизских души, и в этой деревне имеется более дворов для продовольствия лошадей». Подписали данный документ 110 человек. Среди подписавшихся Семен, Лев, Михаил, Никита, Мартын Логиновы, Григорий Скурихин и другие ангарские фамилии — Соседовы, Рукоусевы, Толстых, Безруких. Но не надо думать, что эти люди поставили подписи, что они были грамотными. Список был составлен писарем, и против каждой фамилии красовался корявый крест, поставленный рукой, умеющей держать топор, литовку, ружье, но никак не перо.

В результате в 1849 году пришла бумага № 405 от управляющего Енисейским округом о переводе Богучанского волостного правления из Иркинеевой в «таковскую же деревню Пинчугскую». «Указом его Императорского Самодержца Всероссийского в становлении предложения Господина, состоящего в должности Енисейского Гражданского Губернатора, земскому суду предписано перевести Богучанское Волостное правление в д. Пинчугскую, построить для этого дом и переименовать Богучанскую волость во Пинчугскую, с

У Заимской курьи.

А в Ангаре водилась такая рыба.

чем Земский суд для неперемного исполнения даст знать волостному правлению. Октября 14 дня 1849 года».

ШЛИ ГОДЫ, здание волости, построенной в Пинчуге, ветшало, и в 1877 году был составлен акт о его непригодности. Подписи под этим документом были довольно интересными. Акт подписали волостной голова Федосий Каверзин, волостной староста Перфил Рукосуев. Далее идут подписи участковых старшин: Рыбинский — Марк Пономарев, Чадобский — Дмитрий Рукосуев, Ирбинский — Николай Серебрянников, Бидейский — Алексей Брюханов, Червянский — Николай Рожков. Всего 16 участков — соответственно столько же подписей, заверенных печатью.

Далее идут подписи сельских старшин: Пинчугский — Сергей Ренатов, Ярковский — Николай Безруких, Богучанский — Ерест Мутовин, кандидат заимского старшины — Владимир Смолин. Всего одиннадцать подписей. И в конце засвидетельствовано согласие с актом крестьян деревень Кадарейской, Фединской, Потоскуйской, Бедобинской. За них «руку приложил крестьянин Василий Левицкий, при сем находился волостной голова Каверзин». Одно только перечисление населенных пунктов, откуда прибыли представители крестьян, говорит о том, какой огромной была Пинчугская волость.

В 1880 году были составлены смета и чертеж на строительство здания волостного правления по образцу здания Усть-Тунгусского волостного правления, но уже в Богучанах. Здание волости было построено в 1885—86 годах, но еще до окончания строительства волость из Пинчуги была переведена в Богучаны. А вот с ее переименованием вопрос затянулся, так как это входило в компетенцию Енисейского Гражданского Губернатора, и название «Пинчугская волость» сохранялось до 1927 года. Последним волостным старшиной был Молчанов Николай Васильевич, расстрелянный в 1920 году. Здание волости стоит до сих пор, в нем сейчас церковь Петро-Павловского прихода.

После окончания гражданской войны было изменено административное деление Сибири. Вместо губерний были организованы два края — Сибирский в 1925 году и Дальневосточный в 1926. Затем Сибирский край распался на два: Восточно-Сибирский и Западно-Сибирский. На территории будущего Красноярского края было пять округов: Ачин-

ский, Канский, Красноярский, Минусинский и Хакасский. На основании Постановления ВЦИК Сибревкому было предоставлено право проводить на территории Сибири районирование — укрупнение волостей. К сожалению, архив этого периода не сохранился ввиду пожара 1931 года, но есть в краевом архиве Приказ Енисейгубисполкома № 54 от 4 апреля 1924 года, которым в Енисейской губернии введено районно-волостное деление. Но в списке районов Богучанский не значится. Есть Тунгусская волость, входящая в Приангарский округ.

Округ охватывал огромное пространство, включая в себя и Мотыгинский, и Богучанский, и Кежемский районы. И лишь Постановлением ВЦИКа от 4 июля 1927 года из Приангарского округа выделяется Богучанский район, охватывающий часть территории Мотыгинского и Кежемского районов. Только 4 июля 1928 года после образования Кежемского района Богучанский район оказался почти в тех границах, что сейчас.

В семидесятых годах от Богучанского района к Кежемскому отошли земли Ярkinsкого, Ирбинского, Чадобского сельсоветов в связи с затоплением земель Кежемского района будущей Богучанской ГЭС.

Такова история заселения и образования нашего района.

Жизнь и быт ангарцев

В ЭТОМ разделе — попытка охватить период с начала освоения Приангарья до прихода Советской власти, то есть до двадцатых годов нашего столетия.

Прежде чем начать повествование о жизни и быте ангарского крестьянина, вернемся к процессу заселения Приангарья, так как и быт, и жизнь зависели оттого, кем была заселена территория, что и откуда принесли с собой переселенцы, на основе чего складывались быт, культура, образ жизни. По свидетельству авторов обширного многотомного издания «Живописная Россия», описывающих уклад жизни всех регионов огромной Российской империи (издано в С.-Петербурге в 1895 году, двенадцатый том посвящен Восточной Сибири с большим очерком «Ангара»), пишется: «Северная Русь, разработавши новые земли и ошибшись в них, думала и искала лучших, охотников на переселения было много. Отовсюду шли охотники на переселение. Вот почему первыми и коренными насельниками Сибири и Ангары явились жители северных городов (Тотьмы, Солевычегодска, Холмогор, Великого Устюга), а жители вологодского, архангельского, вятского, пермского и других краев шли как пашенные люди и из них образовалось старожильное, коренное население Сибири и Приангарья» (орфография сохранена по оригиналу). И уже с уверенностью можно говорить, что основной характер бытия ангарского крестьянина был заложен там, на Северо-Западе, за Уральским хребтом.

Но, естественно, на образ жизни был наложен и отпечаток тех условий, в которые попал переселенец. Прежде всего — более суровый климат, большие, несоизмеримые с их бывшей родиной просторы, и самое главное — отсутствие давления со стороны государства.

Первое, что было важно для переселенца — это возможность получить в пользование земли столько, сколько он мог обработать. Обыкновенно каждый получал 15 десятин земли (приблизительно 16,5 гектара) на одну ревизскую душу, то есть на главу семьи. Такая норма существовала в России, но здесь, на огромных пространствах, каждый мог разрабатывать земли столько, сколько он мог осилить. И, что было важно, человек мог разрабатывать земли там, где ему было удобно. Отсюда и появились по берегам Ангары так называемые заимки, то есть частные отдельные хозяйства на отшибе от общественных земель, которые окружали основные поселения, деревни и деревушки переселенцев. Леса в отличие от лесов в российской части страны были общественной собственностью, и крестьянин имел право рубить леса столько, сколько ему было нужно — и на дрова, и на строительство.

Надо отдать должное главам государства периода освоения Сибири в том, что еще царь Василий Шуйский освободил сибирских «пахенных» людей от рекрутской повинности, и это сохранилось почти до самой революции. С Ангары не брали в армию. А дед Петра Первого Михаил указывал: «Смотреть накрепко, чтобы крестьяне пахали и жали в подобное время, а не испоздав и худыми б семенами не сеяли и на тех, кто будет надсматривать, спрашивать и смотреть за ними... И что бывает лучшего и среднего и худого роду о том писать великому Государю подлинно» (стиль и орфография по подлиннику). Сибирский, а значит, и ангарский крестьянин был, в сущности, освобожден от тех податей, которые платили те, кто жил в европейской части России. Все это накладывало определенный отпечаток на жизнь и быт ангарского крестьянина.

НО ВМЕСТЕ с тем условия жизни и особенно то, что с появлением Московского тракта, когда Ангара перестала быть транспортной артерией для продвижения на восток, поставили ангарского крестьянина в географическую изоляцию, оторвали от всего мира. Он был предоставлен самому себе. В этих условиях было два выхода: или исчезнуть, или

переселиться. Но нашелся и третий путь. Создалась микроэтническая группа населения, создавшая на базе тех знаний и умений, которые она принесла с собой, совершенно новый уклад жизни, развив свой способ хозяйствования. Ценой невероятных усилий у тайги отвоевывались земли под будущие поля. Участок тайги, предназначенный под ведение сельского хозяйства, вырубался, часть леса шла на строительство, то же, что не могло быть использовано в хозяйстве, сжигалось. Выжигался остальной подрост, оставшиеся пни выкорчевывались, убирались корни, и только потом поле распахивалось.

На первых порах такое поле давало хорошие урожаи, но для ведения севооборота требовались все большие площади, и поэтому почти каждый год ангарский крестьянин раскорчевывал все новые и новые участки. И глядя сейчас на то, что происходит с этими полными потом, а порой и кровью полями, становится горько и обидно за тот тяжкий труд ангарца, который сейчас уничтожается самым варварским способом.

ТРУДНОСТЕЙ в жизни крестьянина было много. Прежде всего, как уже говорилось, климатические условия — более сложные, чем там, в северо-западной части России, обилие гнуса — мошки, которая еще до недавних пор была буквально бичом наших мест. С тем и другим ангарец научился бороться: строились теплые дома с толстыми стенами из сосновых бревен, заготавливалось огромное количество дров. Надо отметить, что существующее мнение о том, что дома строились из лиственницы, не соответствует действительности. Ввиду большой плотности древесины и трудности в обработке применение лиственницы в строительстве ограничивали. Она употреблялась в основном для фундаментов строящегося дома, так как хорошо противостоит гниению.

Для борьбы с гнусом ангарцы изобрели «сетку» — накомарник. Это «сооружение» чем-то напоминало среднеазиатскую паранджу: в остроконечное покрывало вшивалась тонкая, сотканная из конского волоса сетка, через которую не могла проникнуть мошка. С сеткой связан такой случай. Когда на Ангару приехали ссыльные немцы Поволжья, то они, увидев на берегу кучу народа с закрытыми сетками лицами, решили, что их привезли к каким-то племенам, которые сознательно прячут свои лица.

Определенную и довольно большую трудность ангарские крестьяне испытывали из-за отсутствия постоянных торговых связей. Купечество неохотно шло на Ангару. Прежде всего пугал трудный, связанный с риском путь, так как часто торговые экспедиции заканчивались трагически. В качестве примера можно привести воспоминания сосланного за раскол протопопа Аввакума, которого воевода Пашков Афанасий в 1627 году с шестьюстами казаков по Ангаре переправлял в Даурию. На одном из порогов случилась беда, лодки не попали в «ворота» порога и начали тонуть. «Стал дощаник наливаться водой, одни палубы над водой, а то все в воду ушло. Жена моя ребят кое-как из воды повывтаскивала простоволоса ходя, а я на небо глядя, кричу: «Господи, спаси! Господи, помози! Упование, не утопи!» А на другом дощанике двух человек сорвало и они утопили» (текст по оригиналу). И в этой связи купцы не очень охотно шли на Ангару, тем более что товаров, кроме пушнины, не было, да и населения было маловато для крупных торговых операций. Это привело к тому, что ангарцы стали испытывать великую нужду во многих вещах и особенно в изделиях из металла и материалов, необходимых для охотничьего промысла. Если к этому времени человечество прошло стадии каменного, бронзового периодов и уже больше тысячи лет жило в железном веке, то ангарцы в то время находились в каком-то деревянном. Более семидесяти процентов предметов домашнего обихода было изготовлено из дерева. Бочки, ведра с деревянными обручами, тарелки, чашки и ложки, полозья для саней и колеса для телег, сохи и бороны из корней лиственницы. Из бересты изготавливались знаменитые ангарские туески, в которых, не прокисая, могло очень долго храниться молоко. Из прутьев плелись ловушки для рыбы. Имея мало пороха для охоты, ангарцы ставили самые различные плашки, кулемы, слопцы для добычи, начиная от глухарей и кончая медведем.

Несмотря на то, что первопроходцы имели достаточный опыт ведения крестьянского хозяйства, вынесенный из России, не все, попав в Приангарье, могли сразу приспособиться к новым, более жестким условиям жизни и погибли. Но те, кто удачно адаптировался, создали вполне жизнеспособные поколения. Средняя продолжительность жизни среди коренного населения Приангарья приближалась у мужчин

к восьмидесяти, а у женщин — к восьмидесяти пяти годам. Этому способствовали чистый воздух, кристально чистая в те времена вода в Ангаре и ее притоках, рациональная, экологически чистая пища, отсутствие стрессовых ситуаций и, конечно, повседневный физический труд. Для нормального существования в этих условиях требовалась четкая регламентация жизни по временам года и по времени суток. А в условиях короткого лета, жестоких зим эта регламентация была особенно необходима. Отсутствие каких-либо других источников существования, кроме ведения натурального хозяйства, определяло социальный уровень жизни. И умение четко и своевременно успевать сделать то или иное дело было очень важно.

Примерно до семидесятых-восьмидесятых годов прошлого столетия большого социального расслоения среди ангарцев не было. В основном все жили ровно, не было ни особо богатых, ни особо бедных. Нерадивый, ленивый или пьяница не мог выжить в условиях, когда только свой труд лежал в основе благополучия семьи. Несколько обеспеченнее жили те, у кого были большие семьи или когда под одной крышей обитал целый род. Им было легче разрабатывать поля и покосы, легче вести свое хозяйство. По этой причине женившиеся сыновья часто не выделялись в отдельные хозяйства и численность семьи порой достигала двадцати и более человек. Отголоски этой традиции остались в названиях. Наравне с коренными эвенкийскими, такими, как покосы Зелуки, речка Нерюнда, урочище Абакан, остались и поля Никоновых, урочище Лефонова Гарь, Ильин ручей.

Стремление выжить заставляло ангарца постоянно трудиться и экономить время. Стремление сделать быстро отражалось даже в лексиконе. В речи ангарца почти не употреблялось слово «сходить», его заменял глагол «бегать». «Сбегаю к соседу», «сбегать по воду», «сбегаю на охоту». Или: «Ты, паря, откуль бежишь?» — «Да на покос бегал, остожье упало. Поправил, да вот домой бегу». А покос километров за пять, и «бегущий» еле переставляет ноги от усталости. Но все-таки не идет, не ползет, а бежит. Все делать быстро заставляла сама природа. Все надо было сделать в срок: вспахать землю, посеять хлеб, траву скосить и заготовить сено, убрать урожай, сделать припасы на зиму. Когда-то на Руси все начиналось с весны, даже Новый год начинался весной. Годовой цикл крестьянина тоже на

чинался с весны и до следующей весны, наверное, отсюда и пошло выражение «круглый год».

Как только в лесу появлялись первые проталины, начиналась и первая весенняя работа — заготовка дров. Мужики и подростки шли в ближайший лес на заготовку топлива, которого в наших условиях требовалось огромное количество. Есть два выражения: «нарубить дров» и «наколоть дрова». Так вот, в первом случае это означало свалить топором дерево, им же разрубить его на чурки и тем же топором расколоть на поленья. Это был колоссальный труд, ведь только в конце XVII века на Ангаре появилась пила. И сейчас еще в далеких деревнях стоят дома, сделанные одним топором, с тесаными из расколотых бревен полами и такими же тесаными потолками.

В эту же пору женщины начинали «белить» холсты. Сотканные за долгие зимние вечера холстяные полотнища, или, как их называли, «стены», простирывали в золе и расстилали на реке на лед, чтобы весеннее солнышко окончательно отбелило их. Женщины обычно ревниво оценивали разостланные холсты, ведь чей холст тоньше — та и ткачиха «мастеровее». А от качества холста зависело и качество «лопоты», то есть одежды.

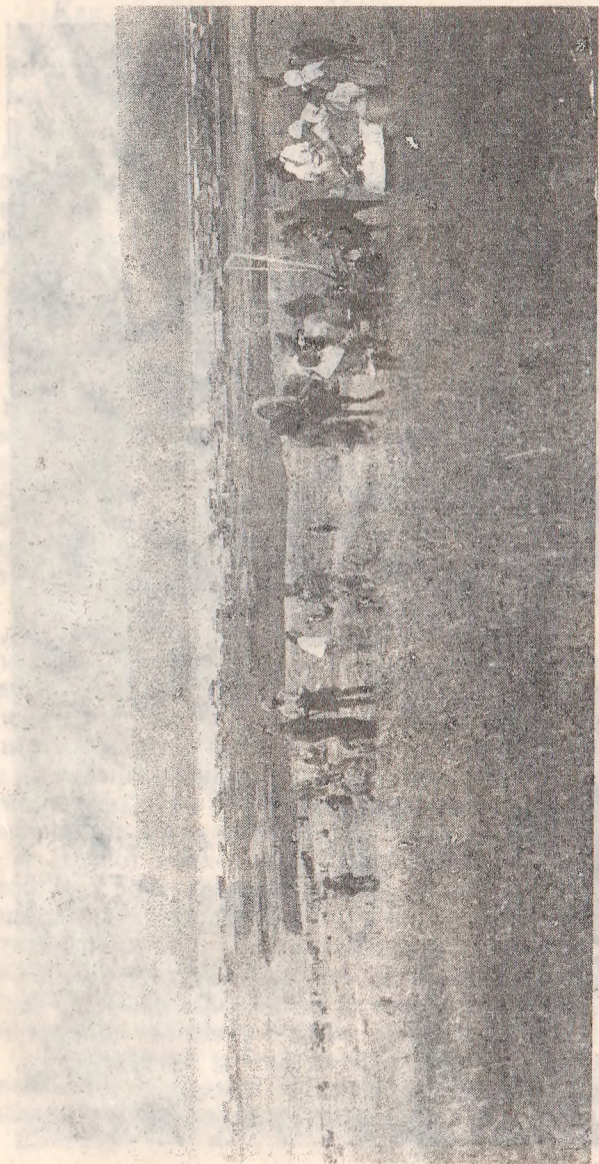
Наколотые дрова укладывались в поленницы, и начиналась подготовка к главному событию весны — севу. Мужики проверяли сохи, бороны, упряжь, усиленно подкармливали притощавших за зиму лошадей припасенным на весеннюю страду сеном и овсом. Старики все чаще смотрят на небо, прислушиваются к своим старым костям: не ноют ли к перемене погоды, прикидывают, какая будет весна, не вымочила бы или не заморозила озимую рожь. Ведь матушка-рожь кормит всех сплошь.

Но вот подходит время Еремея-запрягальника (это первое мая по старому стилю), земля достаточно прогрелась, подсохла, и у крестьянина одна мысль: «Не дай Бог упустить время посева, останешься в зиму без хлеба». И пахали мужики от темна до темна, выматывая бедных лошаденок и выматываясь сами. В условиях Приангарья сеяли в основном рожь, овес, ячмень, меньше — пшеницу.

Рожь почти всегда давала солидные урожаи, и хлеб был в основном ржаной. Пшеничный был больше по праздникам и торжественным дням. Надо отметить, что ржаная

На сельской улице.

Страда, 20 - 30-е годы.

коврига была гораздо сытнее, чем пшеничный каравай. Из технических культур сеяли лен, который был необходим для изготовления холста. Коноплю выращивали для изготовления веревок и грубой ткани — посконины, необходимой для шитья мешков. Конопляное семя широко использовалось для приготовления конопляного масла, неповторимого по своему вкусу и запаху, к сожалению, сейчас этот весьма ценный продукт забыт.

На время сева все праздники отходили на второй план, и даже такой великий христианский праздник, как Пасха, если он выпадал на время сева, праздновался без особого разгула. Но следующая обычно через месяц Троица отмечалась с широким ангарским размахом. Работы в поле закончены, и есть возможность какое-то время отдохнуть. К Троице распускались деревья, согласно приказке «Троица, Троица, земля травой покроется» зеленела трава. К этому дню у дворов ставили украшенные лентами березки, молодые парни и девушки водили хороводы, играли в лапту, в «колюкольцы» (ангарскую разновидность горелок), пели песни. Подростки с азартом играли в бабки. А молодые женатые пары и пожилые «гуляли», то есть переходили из дома в дом, в каждом было организовано застолье с закусками, вином и брагой. Но все это происходило только после посещения церкви, где обязательно надо было отстоять праздничную заутреню. Правда, в волости церкви были только в Пинчуге, Богучанах и Чадобце, причем в Богучанах церковь была каменной. В остальных деревнях были часовни, и служение в них проводилось только по приезду священника.

Но праздник быстро кончался, наступали будни, а с ними — новые заботы. Приближалась пора сенокоса. Надо было вычистить и выжечь покосы, привести в порядок необходимый инвентарь — косы, грабли, приготовить остожья для хранения сена. До начала XIX века на Ангаре косили «горбушами» — это был тяжелый инструмент с короткой ручкой, и косить, а скорее, рубить траву им было не очень удобно и трудно. И только в начале XIX века появилась коса-«литовка» в том виде, какую мы имеем сейчас.

Несколько слов о выжигании покосов. Этот способ очистки сенского угодья существовал всегда, но в настоящее время он превратился в страшного врага тайги, так как половина весенних пожаров связана с неумелым пользованием

палов. Ангарский крестьянин, зная, что его во многом кормит тайга, принимал все меры, чтобы не допустить пожара, и они были редкостью.

С приближением сенокосной поры, как и перед началом весеннего сева, в ход идут народные приметы, по которым делали прогноз на период сенокоса. Популярным в то время «прибором», почти верно предсказывавшим погоду, был высушенный еловый сучок, прибитый где-нибудь под навесом. Он, изгибаясь в ту или иную сторону, довольно точно показывал изменение погоды (когда в деревнях этот нехитрый прибор сохранился и до сих пор). Сена заготавливалось много, так как каждое хозяйство держало много скота, даже небольшие семьи имели по несколько лошадей и коров. В нашем районе почти не было заливных лугов, где бы косили сено. Обычно это были острова и удаленные от деревень покосы в тайге, поэтому сенокос был довольно продолжительным и трудоемким делом. Обычно весь процесс сенокосения заканчивался к Ильину дню. Сено складывали, или, как говорили, сметывали в стога, их огораживали изгородью, которая называлась «стожье». И там оно хранилось до того времени, когда его можно было вывезти на саях.

Короткое в наших краях лето пробегало в заботах особенно быстро. После сенокоса наступала осенняя страда — уборка урожая. Убирали поля вручную серпами. Срезанные злаки связывали в снопы, снопы составляли в суслои. В одном суслои было двенадцать снопов, тринадцатым он прикрывался сверху, предохраняя от осадков. Снопы после выстойки свозили к ригам или овинам, что одно и то же, там складывали в скирды. А зимой в ригах обмолачивали цепами. Жнейки, сенокосилки и молотилки с конным приводом появились у нас в районе только в начале XX века.

Но, кроме хлеба, еще надо было убрать лен, коноплю. То и другое дергали руками, стебли высушивали, затем мяли на мялках, волокна освобождали от кострицы (жесткая часть стебля), расчесывали специальным чесалом и получали «пачеси» — длинные волокна льна или конопли, собранные в пряди, из которых пряли пряжу.

Из огородных культур преобладали морковь, горох, бобы и репа. Известно, что картофель в России появился лишь в XVIII веке, а на Ангару он пришел только в начале XIX. До этого картофель с успехом заменяла репа. Она

долго сохраняла свои позиции в огородничестве еще и потому, что из нее готовили ряд сладких блюд, которые заменяли ангарцам сахар, так как он был довольно редок и дорог. И до сих пор некоторые ангарцы умеют готовить из репы очень вкусное блюдо — «паренки».

УЖ КОЛИ речь зашла о продуктах питания, посмотрим, чем же питался ангарец в те времена. Пища аборигена была довольно разнообразной, но неприхотливой и без излишних кулинарных изобретений. Широко использовались молочные продукты, и, хотя молоко в чистом виде употреблялось меньше, много было простокваши, творога, сметаны. Масло сбивалось на самодельных маслобойках, отличалось высокими вкусовыми качествами и имело неповторимый аромат. Растительное масло в основном делалось из семени конопли. Ароматное, оно употреблялось для приправы различного рода каш и других блюд, особенно в постные дни.

Ангарец употреблял много мяса в вареном, жареном и тушеном виде. Особенно были популярны щи с мясом, или, как их называли на Ангаре, «шти». Делались и пельмени, но до появления мясорубок мясо мелко рубилось сечкой в деревянном корытце. Было в основном мясо диких животных — сохатого, оленя, конечно же, была и «убоина», то есть говядина. Свиинина стала появляться только в середине XIX века. Было много птицы, но употреблялась только дичь: рябчики, глухари, тетерева, или, как их называли на Ангаре, «пальники». Куры в пищу употреблялись редко, их мясо считалось нечистым. Богатейшая в те времена рыбными запасами Ангара обеспечивала жителей самой деликатесной рыбой — стерлядью, осетром, тайменем, и порой щуку не считали за рыбу. Зимой ловили много налима, который ценился из-за своей печенки — максы. В Приангарье, как, впрочем, во всей Сибири, в зимнее время было развито сыроедение. Это было связано с тем, что подсознательно аборигены в длинные суровые зимы предохраняли себя от авитаминоза. Но «сырком» употреблялось только мясо диких животных. Кладовой витаминов были сохатинная печень, а из рыб — налим и его макса.

Из напитков был популярен квас, который готовили из ржаных квасников. Он получался ароматным, с острым освежающим вкусом. До сих пор кое-где в деревнях сохранился его рецепт. Пили настои трав, заваривали чай из смородины, брусничника. Но когда на Ангару стал завозиться

чай, то он стал излюбленным напитком ангарцев. Чаепитие стало целым ритуалом. Чай пили, разводя молоком, а если был сахар, то с сахаром и обязательно вприкуску. Иногда две старушки могли выпить полуведерный самовар. Чай заваривался солидной крепости, наливался в чашку, разводился кипятком, добавлялось молоко. Из чашки напиток наливался в блюдце, которое держали на расставленных пяти пальцах. Закончив чаепитие, кружку переворачивали вверх дном, а на донышко клали недогрызенный кусочек сахара. Весь сахар сгрызть было неприлично, этого требовал этикет.

Алкоголя ангарский крестьянин употреблял очень мало и только по особым случаям: по праздникам, в дни рождения и по другим каким-то выдающимся случаям. Основным алкогольным напитком была брага, которая настаивалась на различных ягодах. Брага, как и квас, была пенной и обладала приятным вкусом. И сейчас некоторые старые люди умсют делать этот напиток. Самогон появился только в конце XIX века, но особой популярностью не пользовался. О человеке, который пил самогон, говорили: «Что это за человек, раз он самогонишко пьет». Употребление алкоголя сдерживалось тем, что употребляющий алкоголь в больших количествах, то есть пьяница, не смог бы прожить в этих трудных условиях, когда, чтобы прожить, все время надо было трудиться.

В праздники все хозяйки стремились блеснуть своим кулинарным искусством, а оно в основном выражалось в стряпанье различного рода шанег, блинов и пирогов, которых было великое разнообразие: пироги с вязигой (вязига — спинная хорда осетровых рыб), пироги из стерляди, из налима или налиимьей максы (печени), с грибами, ягодами, с другими начинками, которые придумывали хозяйки. Естественно, в будни пища была менее разнообразной, особенно в пост, который неуклонно соблюдался всеми абортге нами.

За столом соблюдался определенный порядок. Как правило, вся семья садилась за большой стол на деревянные скамейки-лавки. Хлеб, нарезанный большой горкой, лежал посередине, ставилось несколько чашек с едой, из которых ели по очереди. У каждого стояла кружка с чаем или молоком. За столом старались не разговаривать, ели, как правило, молча, если кто-то из младших членов семьи начинал

шалить, то от главы семьи мог получить звонкий удар деревянной ложкой по лбу — инцидент был обычно исчерпан.

НО ВЕРНЕМСЯ к хозяйственной деятельности ангарца. Сенокос закончен, солнце повернуло на глубокую осень, скоро полетят «белые мухи». Мужики постепенно начинают готовиться к осенней охоте. У ангарского мужика, кроме ведения крестьянского хозяйства, было еще два дополнительных промысла — охота и рыбалка, которые играли в жизни весьма значительную роль. Рыбалка начиналась весной и продолжалась все лето до ледостава. Весной — короткая рыбалка после ледохода для того, как говорится, чтобы «разговесться свежей рыбой». И, как правило, весной рыбу не заготавливали, так как не было смысла это делать потому, что ее летом можно поймать в любое время. Второй причиной было то, что она шла на икромет. Говорили: «Пусть икру отметет, а то напрок (то есть на будущий год) рыбы не будет». Летом обычно рыбачили старики, живя в рыбацких избушках, которых было по берегам Ангары множество. Они ставили сети, морды и другие виды ловушек. Промышляли в основном «белую» рыбу — щук, окуней, сорогу, изредка тайменя, хариуса. Ставили самоловы и переметы на «красную» рыбу — стерлядь и осетра, но их ловили в основном осенью во время так называемых «боевок». Боевка — это ловля стерляди и осетра на зимовальных ямах, в глубоких местах, где эта рыба становилась на зимовку. Таких ям в пределах нашего района было несколько. Шунтарская, которая славилась на всю Ангару, Хлебная в районе Климинских островов. Менее значимые — у деревни Гольтявино и ниже деревни Ярки, по крупному притоку Ангары, протекающему по территории нашего района, реке Чуне в районе норогов Аракан и Косой. Лов производился переметами — это длинная веревка, на которой крепились остро отточенные крючки с привязанной пробкой, которая удерживала крючок в приподнятом положении. Вот на эти крючки накалывалась рыба. Надо сказать, что способ был довольно варварский, так как много рыбы ранилось и она погибала.

«Боевки» производились организованно, под руководством старосты той деревни, вблизи которой проходила рыбалка. Яма обметывалась самоловами, затем рыбу пугали всяческими способами — шумом, киданием камней с лодок. Испугавшись, она уходила из ямы и попадала на острые

крючки. Сохранилось свидетельство Виктория Севастьяновича Арефьева, революционера-народовольца, высланного на Ангару в 1897 году. Он в своих воспоминаниях подробно описывает весь процесс рыбалки и говорит, что на Шунтарской шивере «за одну «боевку» приходилось от 20 до 30 пудов «красной рыбы» за день рыбалки на одну лодку (пуд — 16 килограммов). А по свидетельству С. Д. Розинга, инженера-лесоустроителя, проводившего в 1910 году по поручению Переселенческого комитета Енисейской губернии таксацию лесов Пинчугской волости и, в частности, лесов по речке Чуне, во время «боевок» на пороге Аракан на лодку приходилось до 50—60 пудов стерляди. Автору этих строк в 1948 году пришлось участвовать в «боевке» на Хлебной яме. Тогда наша лодка сдала государству около трехсот килограммов «красной рыбы». С 1950 года подобная рыбалка была запрещена, ну а сейчас этот весьма ценный вид рыбы вследствие нарушения экологического равновесия в Приангарье практически исчез.

Второй вид промысла, который приносил довольно большой доход ангарцу, была охота. Весенняя охота на перелетную и боровую дичь охотой не считалась. Это было просто развлечение, отдых от повседневных забот. Тем более, что такая охота ввиду бесчисленного количества уток, гусей, лебедей не представляла большой сложности. И часто ею занимались подростки. На Ангаре с ружьем ходить начинали очень рано, лет с одиннадцати-двенадцати, но, несмотря на возраст охотников, какие-то происшествия были чрезвычайно редки. Надо отметить и то, что на поясе каждого ангарца всегда висел нож: он был непременным атрибутом его повседневной одежды, но нож как орудие, направленное на человека, никогда не применялся при возникающих иногда спорах.

ОСНОВНАЯ охота начиналась осенью. В это время (обычно с Покрова, то есть с 1 октября по Михайлов день 10 ноября) большинство мужиков уходило «белочить», то есть охотиться на белку. Соболя в те времена было мало. Русские первопроходцы много взяли от охотников-эвенков в приемах и способах охоты: умение выслеживать зверя, читать его следы, устанавливать стационарные орудия лова — кулемы, плашки, слопцы, петли. Со временем многие охотники стали во многом превосходить своих учителей. Эвенки же научили русских выделывать шкуры сохатых и бле-

ней, изготавливать из них различного рода предметы, необходимые в быту. Ввиду дороговизны пороха, дрови, или, как говорили, «провианта», ружейной охотой занимались не часто. Добыть тот или иной объект охоты старались с помощью различного рода ловушек, в том числе и довольно варварским способом. Крупные звери, как сохатый, добывались с помощью выкопанных и замаскированных ям, а весной — нагоном по насту, когда сохатый, изрезав ноги ледяной коркой, обессиденный, останавливался и тогда его убить не составляло никакого труда. Тот же Розинг пишет: «Цена на белку довольно высока, хорошая шкурка стоит сорок и более копеек. Соболь — до сорока рублей. В удачные годы охотник приносил двести и более белок. Но соболь редок, и один-два соболя на охотника считается хорошей добычей». Он же пишет и о том, что уже в 1910 году заготавливался на продажу за пределы волости «кедровый» орех и «цена одного пуда была 1 рубль 50 копеек». В отношении добычи крупного зверя Розинг пишет, что «некоторые охотники смели до нескольких десятков ловчих ям. Но пойманного зверя не всегда вытаскивали вовремя и сохатый погибал. В результате на огромное расстояние распространялся запах гниющего мяса, привлекая медведей».

Ушедшие на охоту жили в самых примитивных условиях — в крошечных полуземлянках, отапливаемых кострами с отверстием в потолке для выхода дыма. Из продуктов из дома брали только соль и сухари, все остальное добывали охотой. Сейчас трудно представить, как и в каких условиях охотились ангарские мужики. Например, охотничьи угодья части ярковских мужиков находились на границе с нынешней Эвенкией, и туда, на расстояние до сотни километров, они добирались пешком, в лучшем случае — до половины пути на лошадях. Были случаи, когда охотник погибал в тайге и никто не знал причину его гибели, так как некоторые предпочитали охотиться в одиночку.

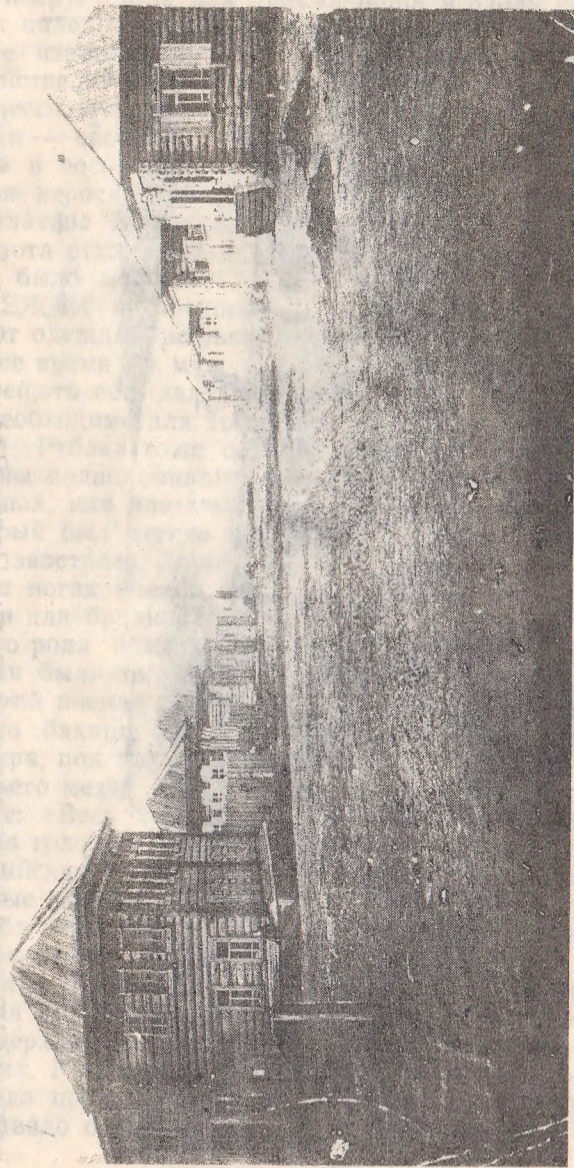
В ноябре охотники возвращались домой. Но те, кто не уходил в тайгу, тоже не сидели без дела. Сушили в ригах снопы, обмолачивали их, ухаживали за скотом, ездили на мельницу молотить зерно, возили дрова и сено. Деревеньки на Ангаре стояли далеко друг от друга, и поэтому, чтобы не делать больших переездов, у каждой деревеньки на близлежащей речке была своя мельница. У Карабулы и Ярков—

на речке Карабула, у Пичуги — на речке Пичуга и т. д.

В это же время женщины собирались в домах на «посиделки», где под пение протяжных ангарских песен, под рассказы былин, сказок, бывальщин пряли свою бесконечную пряжу — основу будущего холста, или ткали на примитивных ткацких станках, которые назывались «кросна», холсты.

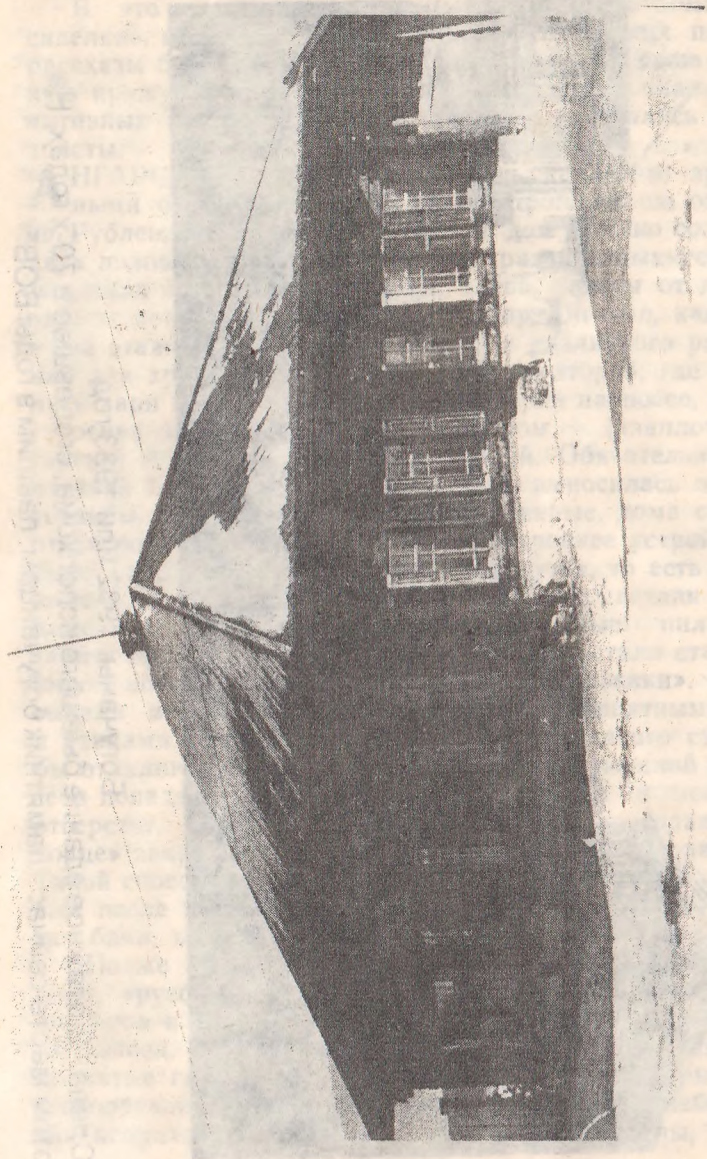
АНГАРСКИЕ дома не отличались какими-то архитектурными особенностями. Все они строились по одной схеме. Рубленный из сосновых бревен дом обычно состоял из двух половин — зимней и летней, разделенных сенями, дом окружали «службы» — стайки, хлева, навесы от дождя для работы летом. И обязательно амбар. Он был, как правило, в два этажа. На первом — погреб и различного рода кладовые для хранения продуктов, утвари, второй, где размещались лари и сусеки для хранения зерна на посев, муки. Все строения обносились высоким забором («заплотом» по-ангарски) для защиты от лихих людей. Обязательная во всех случаях баня во избежание пожара выносилась за пределы усадьбы. «Круглые», то есть пятистенные, дома стали строиться позже, в конце XIX века. Внутреннее устройство избы было простым. Обычно отделялась «куть», то есть кухня, и выделялась горница — самая большая и светлая комната в доме. Позже, когда появились продольные пилы и стали пилить вручную доски, между комнатами стали ставить переборки, которые почему-то назывались «казенки». Их расписывали местные художники самыми невероятными цветами и птицами. Почти до половины восемнадцатого столетия избы отапливались по-черному. Дым из сложенной из камней печи попадал прямо в избу и выходил в специальное отверстие — «волоконце». Когда дрова прогорали, «волоконце» закрывалось, и нагретые камни долго хранили тепло. Такой способ обогрева сохранялся долгое время в банях, еще после войны можно было встретить в некоторых деревнях бани, которые топились по-черному.

Позже появились глинобитные печи, или, как их называют, «русские», с обязательной лежанкой. Этим печам нет аналогов в мире. Во многих деревнях они еще стоят, и нет им износа. Но самым теплым местом в избе были полаты — поднятые под самый потолок лежанки, на которых обычно располагались дети и старики. Обстановка в избе была самая неприхотливая: деревянные кровати, столы, сделанные

Богучаны. 1932 или 1933 год.

Слева - 2-этажное здание бывшего исполкома, сгоревшее в 70-х годах. На этом месте сейчас - памятник богучанцам, павшим в годы ВОВ.

Бывший магазин купца первой гильдии Петра Васильевича Толстых. Сейчас редакция газеты "Ангарская правда". Здание перестроено.

из досок, вытесанных топором, деревянные скамейки-«лавки» вокруг стола для приема пищи и вдоль стен. С появлением пиленых досок стали изготавливаться стулья, шкафы, более изящные столы и другие предметы, необходимые в хозяйстве. Освещалась изба лучиной, о которой спето немало песен, отблесками горящей печи, сложеной из камней, позже — свечой. И уж самым совершенным источником света в восьмидесятых годах XIX столетия стала появившаяся керосиновая лампа. Вот как вспоминала Варвара Николаевна Безруких, родившаяся в 1862 году: «Уж така светлота стала, что в кажинном углу в иголку нитку вдернуть было можно».

ОДЕЖДА ангарского крестьянина мало чем отличалась от одежды крестьян северо-западных областей России. В летнее время на мужчинах были порты (штаны) с большой мотней, то есть зад штанов висел чуть не до колен (это было необходимо для того, чтобы при работе тело проветривалось). Рубаха тоже свободная, не заправленная в порты. Штаны подпоясывались опояской, это был или сыромятный ремешок, или плетеный шнурок, на него подвешивался нож, который был всегда под рукой: где-то подстрогать, подрезать, заострить. Хороший нож стоил дорого и очень ценился.

На ногах носили обувь, присущую только сибирякам: чирки или бродни. Мужчины носили чирки с «опушнями» — своего рода обмотками, доходившими до половины икр, бродни были те же чирки, только с кожаными голенищами.

Зимой носили сшитые из выделанных шкур оленя и сохатого бакари, лакоми, дышки. Первые шились большого размера, под них можно было надевать чулки, сделанные из оленьего меха. По поводу бакарей у ангарцев было выражение: «Весь худой до бакаря», то есть никуда не годен с ног до головы. Лакоми и дышки — это разновидность эвенкийских унтов. Зимой мужики надевали зипуны, а в сильные морозы в случае далеких поездок — дохи, сшитые из собачьего меха. В праздники надевали рубаху навывпуск, подпоясанную плетеным с кистями поясом и что-то типа пиджака с лацканами обязательно другого цвета. Женщины носили длинные до пола юбки и кофты или сарафаны, причем верхний край сарафана был выше груди и держался на лямках. Модницы отделявали кофты и сарафаны различного рода прошивами, воланами и другими украшениями, что придавало одежде нарядный и кокетливый вид. С появлени-

ем фабричных, или, как говорили на Ангаре, «базарных» тканей, одежда, особенно у женщин, стала более разнообразной и яркой. Праздничная одежда хранилась очень аккуратно и часто переходила из поколения в поколение. И часто на свадьбу девушки надевали наряды бабушек. В морозы женщины носили шубы (разновидность мужского зипуна), а под него надевали «душегрею» — меховую жилетку.

До тридцатых годов женщины не носили ни рейтузов, ни лифчиков. Сейчас это кажется странным, так как морозы на Ангаре были достаточно сильными. Но дело в том, что женщинам не надо было ни лазить по снегу, ни возить ни дрова, ни сено — все это делали мужчины. А во-вторых, несколько нижних, или, как их называли, «исподних», юбок хорошо сохраняли тепло. Естественно, такой туалет вырабатывал плавные и аккуратные движения у женщин и девушек, дисциплинировал поведение. Штаны появились тогда, когда женщина была уравнена в правах с мужчиной и стала выполнять те же работы, что и мужики, особенно на лесозаготовках, при выполнении «трудовой повинности».

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ в семьях строились на уважении к старшим, глава семьи был почти всегда непрекрасимым авторитетом. Этикет требовал безусловного подчинения старшим, и если этого не происходило, то виновник наказывался, а уж методы наказания в каждой семье были свои. Деревеньки на Ангаре были небольшими, все знали друг друга, и если какой-то подросток прошел и не поздоровался со старшими или, что было редкостью, нагрубил, это моментально становилось известно родителям. Виновник наказывался и должен был извиниться перед тем, кого он обидел. В семье дети называли отца обычно «тятенька», а мать «матушка». Только женатые мужики могли говорить отцу «отец», а матери «мать». Дочери же до самой старости отца называли «тятенька» и мать «матушка» или «маменька». Взаимоотношения между мужчинами и женщинами были в основном чистыми и целомудренными. Этому в немалой степени способствовали христианская вера, воспитание в семье, основанное на взаимном уважении, и та нравственная атмосфера, которая царил в доме. Все это не требовало какого-то специального полового воспитания.

Особо надо остановиться на религиозных убеждениях ангарца. Все жители бывшей Пичугской волости были пра-

вославными христианами, в волости не было раскольников и представителей других религиозных конфессий. Надо отметить и то, что правительство обращало большое внимание на религиозное воспитание и на сохранение устоев православной религии среди переселенцев. Еще в начале XVIII века в одном из указов царя Петра I говорится: «Чтобы служилые люди без покаяния не умирали, отправлять в Сибирь белых и черных священников, выбирая для этого людей крепкожильных и учительных и небражников». Забота о религиозном воспитании заставляла правительство строить в местах поселений церкви, часовни, где бы житель мог отправлять обряды, удовлетворять свои религиозные потребности. В пределах нашего района церкви были в деревнях Пичуге, Богучанах, Чадобце. В остальных — часовни. В Богучанах церковь была кирпичной. По поводу ее строительства есть справка Красноярского краевого музея на основании архивных документов Енисейской епархии и краевого архива, в которой говорится: «Ныне существующий храм построен в 1791 году (видимо, начало строительства) и освящен в 1795 году. Построен на месте обветшалой деревянной церкви во имя Св. Чудотворца Николая, а сия церковь в котором году была построена этого дела из архива не выдать. Храм построен кочтом прихожан и сбором посторонних добротных дателей. Зданием церковь каменная одноэтажная, с таковой же колокольней. Церковь имеет два престола: главный во имя святых апостолов Петра и Павла (летний предел) и во имя Святого Чудотворца Николая». Но в начале тридцатых годов нашего столетия этот памятник архитектуры XVIII века был разрушен.

Несмотря на заботу правительства о религиозном воспитании аборигенов, надо сказать, что их верование не было фанатичным. Видимо, сказывалось и общение с эвенками, с их шаманизмом, особые условия существования с более чем двухвековым отрывом от цивилизации, своеобразие населения, пришедшего со всех концов России, среди которого были и такие, что не верили ни в Бога, ни в черта. В упомянутой выше справке музея есть выдержка из отчета каких-то проверяющих работу церкви в 1913 году. В ней говорится: «Религия богучанцев ограничивается выполнением обрядов и знанием немногих молитв, произносимых часто неправильно. Сильны здесь народные суеверия: верят в «лесного», «водяного», «банных», «волхиток», «шиликунов»

и прочую нечисть. Народная медицина ограничивается наговорами. «Дурной сглаз», «порча» и другие пугала неразвитого ума свойственны богучанцу в высшей степени. «Деревянный огонь», добываемый трением, спасает, по мнению богучанцев, от эпизоотии ту местность, где он разложен. Сама ангарская природа, тайга да хребты, отвоевать от которых небольшой участок земли стоит больших усилий и поэтому и убог здешний житель, беден духовно. Сельский пастырь старается оказать посильное воздействие на духовную сторону, беседует с ними с церковного амвона и при всех удобных случаях, но много еще нужно труда и времени, чтобы возделывать почву для восприятия доброго семени».

Вот такую невеселую характеристику дала Енисейская епархия жителям нашего района в 1913 году. Возможно, в том, что касается религиозных воззрений ангарца, и есть большая доля правды, но с тем, что его духовный мир был примитивен, согласиться нельзя. Речь ангарца была образной, богатой, насыщенной неожиданными оборотами и сравнениями. И, как ни странно, была грамматически правильной. Ангарец никогда не говорил «евонный» — говорил «его», не говорил «ихний» — говорил «их». Построение предложений было четким и ясным. Конечно, в языке ангарца было много архаизмов, пришедших из древних времен. Например, глаголы «глянутья» — нравиться, «баять» — говорить, «ужна», «уротчина» — какое-то задание, «ухожья» — участок поля, леса, кому-то принадлежащий.

В речи ангарца порой встречались самые оригинальные выражения. Например, о человеке, который делал совершенно ненужную работу или делал вид, что работает, говорили: «А, пустой нет делает». О человеке, который извращался, ловчил, говорили: «Вот крутится, как береста на огне». Ругательства, особенно матерные, не поощрялись, но порой были самыми неожиданными: «Эх, чтобы тебя подняло, скокуршило да этак бы и зачичеревел», что в переводе означало: «Чтоб тебя подняло, скрючило и так бы ты и остался». Одним из самых страшных ругательств было проклятье: «Будь ты светом белым трижды проклят». Но к нему прибегали в самых крайних случаях, так как боялись, что проклятье может действовать на самом деле. Сейчас эта образная речь почти полностью ушла в прошлое, и даже в деревнях у старых людей редко слышатся ее отголоски.

Находясь в географической изоляции, ангарский крестьянин,

не получая почти никакой информации извне, варился в «собственном соку», и как следствие — его кругозор был весьма ограничен и очерчивался тем пространством, в котором он жил. Какие-то весточки приносили заезжие раз в году чиновники по сбору налогов да бежавшие из мест заключения в Иркутской губернии каторжники. И тем не менее в Приангарье и, в частности, в нашем районе создавалась своеобразная самобытная культура. Из поколения в поколение передавались сказки, былины, песни, легенды, принесенные сюда переселенцами-первопроходцами. В каждой деревне было несколько человек, которые знали массу сказок, сказаний, былин и песен. На Ангаре их называли «натодельными» сказителями. По свидетельству Антона Антоновича Савельева, студента Петербургского университета, высланного сюда в 1910 году за революционную деятельность, который и здесь занимался сбором фольклора, в деревне Ярки жила Лушниковая Анна, которая знала большое количество сказок, былин, песен. (Савельев после революции работал в Красноярском музее, а в конце двадцатых годов он уехал в столицу, и его материалы, собранные на Ангаре, находятся в государственном Историческом музее в Москве).

В 1989-90 годах у нас в районе работала фольклорная экспедиция Бурятского института общественных наук Сибирского отделения Российской Академии наук (СОРАН), руководимая кандидатом искусствоведческих наук Р. П. Матвеевой. Руфина Прокопьевна была поражена тем, что среди собранного экспедицией материала встречались буквально уникальные песни и сказы, уходящие своими корнями к далеким периодам нашей истории. Уместно сказать, что большое количество этого уникального материала было записано со слов внука Анны Лушниковой, Иннокентия Андреевича, к сожалению, недавно умершего. Следует признать, что в результате легковесного отношения к своей истории мы потеряли массу уникального фольклорного материала, ведь он, пришедший сюда вместе с первопроходцами, хранился в памяти народной и передавался из поколения в поколение, претерпевая определенную трансформацию. Один из членов экспедиции задал вопрос: «А почему здесь не встречаются старинные книги?» Вопрос имел, возможно, двойное значение. Первый, может быть, корыстный — «охоту» за древними книгами, имеющими огромную ценность, а второй, дей-

ствительно, недоуменный: в самом деле, почему? Да только лишь потому, что это был край поголовной неграмотности и все, что происходило в жизни, не записывалось, а передавалось и фиксировалось в человеческой памяти, вот поэтому потеряны многие вехи в истории освоения русскими наших мест.

ВЕРНЕМСЯ на какое-то мгновение хотя бы в середину XIX века. Зимний вечер. В горнице собрались на посиделки, мерно жужжат веретена, женщины прядут пряжу, постукивает ткацкий станок — «кросна», хозяйка тклет холсты. На улице воев вьюга или трещит мороз, но в избе тепло, потрескивает в каганце лучина. Вдоль стен сидят женщины, делаю свое дело, негромко переговариваются, перебирая события прошедшего дня. У печи расположились мужики — чинят сбрую или шьют обувь, на полатах лежат ребятишки, на печи покряхтывают старики. Вот кто-то потихоньку начинает песню, ее подхватывают, и она звучит все громче и громче. Песен пели много, они, привезенные из разных углов страны, были различны по тематике, по напевности, а некоторые своими корнями уходили в глубокую древность, в дохристианский период. Хотя бы такая, как «Во лесу было во орешнике», где на фоне развертывающейся любовной драмы обиженный жених говорит: «Я коня своего в жертву Богу принесу, Богу чистому, Богу милостиву — ясну солнышку. Изурочь (напусти порчу), ясно солнышко, ты на врага моего». Видимо, эта песня была сложена еще тогда, когда славянские племена поклонялись Богу — Солнцу. Немало было тюремных песен, принесенных бежавшими по Ангаре каторжниками: «Надоела мне эта решеточка», «Солнце всходит и заходит», «Ланцов из замка убежал». Но основной тематикой песен была вечная тема любви и связанных с ней страданий: «Скатилось колечко», «Лучи-пушка», «Не сиди ты, девица, поздним вечером», «Во кургане» и множество других. Были и песни, возникшие уже тут, в Сибири, например, такая, как «Распрокляты вы, таежны комары».

Песни сменялись рассказами, сказками, бывальщинами. Рассказывали о каких-то неведомых краях, о царях и царицах, и люди понимали, что за этими сопками и лесами есть еще неведомый для них мир. Среди бывальщин преобладали те, в которых говорилось о своем житье-бытье. Осо-

бенной популярностью пользовались рассказы о нечистой силе, леших, «волхитках» — этой разновидности нечистой силы, обитающей, кажется, только на Ангаре. (Кстати, сравните «волхвы» — жрецы, служители языческого культа у древних славян и «волхиты» и «волхитки» — нечистая сила, бегающая по ночам особенно в «страшные», крещенские вечера).

В бывальщинах, связанных с охотой или рыбалкой, часто встречались рассказы о бродящей по тайге красавице-тунгуске, которая обладала колдовскими чарами и, встретив которую, охотник забывал и о доме, и о семье. Эту сказку, в основе которой лежал эвенкийский эпос, услышал во время своих скитаний по Сибири Вячеслав Шишков и ввел красавицу-шаманку под именем Синильга в свой роман «Угрюм-река».

Беседы эти продолжались до позднего вечера. Рассказчик, увлекшись какой-нибудь бывальщиной из охотничьей или рыбачьей жизни, порой сам начинал сомневаться в произошедшем и, смутившись, говорил: «А может, мне все это померещилось».

Среди множества сказок, легенд и бывальщин с любовными сюжетами или страшными настолько, что когда кто-то хотел выйти на улицу, то просил его сопроводить. Была одна легенда о богучанской Россыпи, что находится ниже поселка Геофизиков, слышанная мною еще в детстве. Суть ее была в следующем. Когда русские пришли в эти места, то они обосновались в урочище, носившем название Букачан, что по-эвенкийски — бугор, остров, возвышенность. Здесь находилось их ритуальное место, и скалы, стоящие в современной Россыпи, были священными. Косвенным свидетельством того, что это место что-то значило в жизни племен, населяющих Приангарье, является камень, привезенный оттуда и лежащий сейчас у музея. Русские, поселившись на их священных местах, построили деревянную церковь. Эвенки решили изгнать пришельцев и разрушить храм. Ожидая благоприятного момента, эвенкийское племя остановилось на берегу Ангары под этими скалами. Но ночью разыгралась буря, загрохотал гром, с неба полились потоки воды, и под этими ударами стихии скала обрушилась и погребла под обломками эвенков. Вполне возможно, что разрушение скалы произошло на памяти человеческой и, в

частности, первопроходцев, так как некоторые геологи утверждают, исходя из возраста деревьев на Россыпи, что это произошло лет двести пятьдесят — триста тому назад.

Был весьма популярен и рассказ о разбойнике Арсанале и его зверствах. Между прочим, подобный рассказ записан Маминым-Сибиряком именно с этим именем в очерках о жизни и быте на Урале.

О СОБО надо сказать о проведении досуга молодежи. Зимой, кроме «посиделок», молодежь собиралась на «беседу». Собирались обычно у женщин-бобылок, которые, чтобы скрасить свое одиночество, уступали ей горницу. Девушки приносили рукоделье, приходили молодые парни, пели, плясали, водили хороводы. Тут завязывались первые романы. Летом собирались на «полянку» (это обычно возвышенное место над рекой) и там и пели, и играли, и водили хороводы порой до самой утренней зари и, почти не уснув, шли на работу. Старшими эти мероприятия не преследовались, исходя из поговорки «Молодо — зелено, гулять велено» и понимания, что общение молодежи необходимо для заключения будущих браков. Но браки все-таки часто заключались не по любви, возникшей на полянках или беседках, а по желанию родителей. Родители действовали по принципу: «Стерпится — слюбится» и в браке старались найти какую-то выгоду. Часто невест брали из других деревень. Тут было и подсознательное стремление избежать родственных браков, потому что в маленьких деревнях постепенно все становились родственниками.

Свадьбы были шумными, с разнаряженными в наборную сбрую лошадьми, на которых разъезжали сопровождавшие молодых «дружки», «поезжаны» и просто гости с той и другой стороны. Четко установленного обряда свадеб не было, но были элементы, которых придерживались во всех деревнях. Свадьбе предшествовал обряд сватовства, или, как его называли на Ангаре, «рукобитье». В дом к невесте приходили или ближние родственники жениха (но не родители), или крестные отец и мать. При согласии выдать невесту сваты обменивались крепкими рукопожатиями (отсюда и «рукобитье»). В этом случае выставлялись закуска, брага, вино и сваты и родители невесты угощались, обмывали полученное согласие. Назначалось время свадьбы (обычно это было после прихода мужиков с охоты). Подби-

Крестьяне деревни Ярки в рабочих костюмах на мельнице, 1911г.

Мельница на Сосновке.

рались «поезжане», то есть те, кто должен был вести молодых к венцу, «дружки», что соответствует современным шаферам. К венцу невесту и жениха везли отдельно в сопровождении своих дружек. А после венца везли их уже вместе в расписной кошеве в сопровождении целого обоза кошевок с гостями. Иногда молодых обсыпали зерном, хмелем, но чаще просто встречали хлебом-солью. И начинался свадебный пир. На Ангаре не было принято напоказ выставлять приданое невесты, как это было во многих местах. После свадьбы молодой жене приходилось довольно трудно, так как семьи были большие и жены старших братьев старались возложить на молодуху побольше работы, так сказать, проверить ее на крепость и умение трудиться. Для бывшей невесты начинались будни, как и для всякой русской крестьянской женщины.

Основное, что ценилось как у мужчины, так и у женщины — это умение и желание работать. Понятия отдых, как мы это сейчас понимаем, то есть ничего не делать, в жизни аборигена не существовало. Смена работы уже была отдыхом. Несколько примеров. «Девки, гребь еще не подошла, бегите, отдохните, поберите ягод». Это на покосе. В лодке: «Ты, паря, поди грести-то пристал? Бери-ка бечеву, пробегги маленько бечевой». И таких примеров можно набрать много. Но в праздники, несмотря на то, что вера в Бога была не слишком глубокой, все работы отбрасывались, за исключением тех, что было делать необходимо. Из «двух на десять» церковных праздников широко отмечались уже упоминавшиеся Пасха, Троица, престольные праздники, в частности, дни Петра и Павла в Богучанской церкви, Рождество, Крещение, Масленица. Крещение праздновалось с обязательным водосвятием. В Крещение на реке долбилась «ердань» (прорубь, названная в честь реки Иордан, в которой, по преданию, Иисуса Христа крестил Иоанн Креститель). «Ердань» долбили пешнями опытные мужики, и это было большой честью. Во льду выдалбливали конусообразное углубление в виде креста, а потом в центре пробивалось отверстие и вода заполняла прорубь. Некоторые, чтобы очиститься от грехов, купались в ледяной воде, и в такой проруби они не рисковали быть унесенными течением под лед.

В крещенские вечера, которые на Ангаре назывались «страшными», гадали. Способов гаданий было множество.

Но, по ангарским понятиям, эти вечера и ночи были временем разгула нечистой силы. «Шиликуны», «волхитки», «лесные» и прочая нечисть разгуливали по деревням, творя всякие недобрые дела: то обстригут овцу, то запутают гриву и хвост у лошади, что потом их трудно расчесать, то еще устроят какую-нибудь пакость. Но наиболее разгульно и широко праздновалась Масленица. Конец Великого поста, первый весенний праздник, прожита еще одна суровая зима — все это заставляло веселиться и радоваться, а весеннее солнышко усиливало эту радость. Блины и пироги, разные «шедевры» ангарской кулинарии — все ставилось на стол. На улице катанье молодежи и ребятишек с горок на санях и санках, на телячьих шкурах, порой просто на «пятой точке». Взрослые и женатые ездили на лошадях, запряженных в самую лучшую сбрую, в «сугонь», то есть кто кого перегонит. Победитель получал, как правило, четверть вина от старосты.

Но праздник быстро проходил, праздничная одежда складывалась в сундуки или вешалась на спицы — деревянные штыри, вбитые в стены. Наступали будни с бесконечными заботами. Работа — основа благополучия ангарского крестьянина — всю его жизнь была на первом плане. Выработалась какая-то своеобразная философия в отношении работы. Когда одного восьмидесятилетнего старика спросили уже в наши дни: «Дедушка, почему ты не сидишь на пенсии, а все работаешь и работаешь? И сено косишь, и рыбачишь, и дрова колешь, нанял бы кого, а сам бы отдохнул». Ответ был весьма оригинальным: «Так ведь пока сила есть, надо работать. Да и пожить еще хочется, посмотреть, что будет дальше. А если работать не будешь, то скоро на тот свет уберешься». И эта философия, в основу которой была положена работа, позволяла ангарцам жить долго, о чем уже говорилось.

Об этом периоде жизни ангарского крестьянина можно говорить много, как и о его огромном радушии и гостеприимстве, когда всякий в любое время мог прийти в любой дом и получить там радужный прием. И только когда на Ангару стали прибывать новые люди, которые порой обманывали простодушных аборигенов, они стали относиться к незнакомым с опасением.

Нет смысла идеализировать этот патриархальный быт. Не все и не всегда было гладко и безоблачно. По сути, это

была постоянная борьба за выживание. И, конечно, не все жили так, как описано в этом разделе, но основная масса жила именно так. Время шло вперед, на Ангару стали проникать новые веянья, надвигались события, которые коренным образом изменили эту застойную, лишенную социальных потрясений жизнь, изменили ее не только здесь, но и во всем государстве.

Период перед революцией 1917 года,

РЕВОЛЮЦИЯ И ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

НАЧИНАЯ со второй половины XIX века, в Приангарье происходят некоторые изменения. Прежде всего это связано с политическими процессами, происходящими в Российской империи. Польское восстание 1863—64 годов, революционное по тем временам движение народников, покушения на жизнь губернаторов и царей повлекли репрессии, и сюда, на Ангару, стали прибывать уже не только ссыльные уголовники, которых, надо сказать, были единицы, но и политические. За Польское восстание в деревню Пинчуга были высланы предки Левицких. Не по своей воле оказались здесь народовольцы, в частности В. С. Арефьев. Позже в ссылку стали прибывать и сподвижники Ленина. И процесс населения Приангарья сосланными сыграл в какой-то мере положительную роль. В застоявшуюся атмосферу патриархальной жизни слабенькой струей начал проникать свежий воздух далекой жизни, почти неведомой ангарцам.

Кроме того, в конце XIX века в Богучанах, ставших в то время центром Пинчугской волости, открывается почтовая контора, и сообщение с внешним миром становится постоянным. Почту привозили из Канска на лошадях. Зимой на саянях, летом — верхом. В Богучанах до сих пор есть род по

В праздничной одежде, 1911г.

Василий Максимович Безруких. 1911 г. Зимой на се-

прозвищу «Почтаревы», так как их предок возил или, как говорили, «гонял» почту из Канска. Один из этого рода — Смолин Валентин Васильевич — жив до сих пор. Он, несмотря на преклонный возраст, сохранил прекрасную память и много раз выступал в нашей газете «Ангарская правда» с воспоминаниями о своей малой родине, в которую буквально влюблен. Сейчас трудно представить, какой труд надо было затратить для доставки почты. Триста верст по таежным тропам только в один конец занимал почти неделю — и это и в дождь летом, и в сумасшедшие морозы зимой.

Конечно, коренное население не пользовалось почтовыми услугами, но для сосланных это была ниточка, связывавшая их с внешним миром. Услугами почтовой связи пользовалась, так сказать, «элита» — волостной старшина Николай Васильевич Молчанов, купец первой гильдии из Пинчуги Петр Васильевич Толстых, священник местного прихода, еще несколько человек из администрации волости и торговли, которые выписывали популярные журналы и газеты. О довольно высоком уровне культуры того же волостного старшины Молчанова можно судить по оставшейся от него библиотеке, в которой были книги на французском языке, латыни, подшивки приложения к журналу «Нива», журнала «Осколки» и много другой литературы. Но, к сожалению, почти вся эта библиотека погибла в результате небрежного хранения. Несколько книг из этой библиотеки есть у автора этих строк. С установлением постоянной почтовой связи стала более оперативно приходиться деловая документация.

Вторым прогрессивным явлением было открытие Енисейской епархией церковно-приходских школ в Пинчуге, а затем в Богучанах и Чадобце, в тех деревнях, где были церкви. В Пинчуге в начале XX века школа была реорганизована в четырехклассное училище, что давало неполное среднее образование. Училище было открыто по инициативе купца Толстых. Он же являлся его попечителем.

С открытием почтовой связи стали более интенсивно развиваться торговые отношения. И хотя на Ангару стали проникать канские купцы, все-таки основную роль играл пинчугский купец Толстых. Он вел большую торговлю с эвенками, почти в каждой деревне у него были открыты магазины. В Богучанах его магазин находился в здании, которое сейчас занимает ре-

дакция газеты «Ангарская правда». Здание сейчас перестроено, убраны большие надворные постройки-службы, и от его прежнего вида почти ничего не осталось. В Пинчуге сохранилась резиденция купца, в которой размещалась контора колхоза, а после — совхоза. Открывая торговые точки в волости, он в качестве приказчиков привлекал наиболее деятельных людей. Один из них — Александр Данилович Скурихин — позже уехал в Красноярск, где открыл свое дело.

Большую трудность составляла доставка товаров. Их приходилось везти зимой санным путем из Канска, летом — из Енисейска или Красноярска бечевой на больших лодках-илимках. Способ перевозки грузов на илимках сохранялся почти до сороковых и даже начала пятидесятых годов только с той разницей, что с конца тридцатых их тащили за веревку-бечеву не люди, идущие по берегу, а катера. Один из тех, кто ходил за грузами в Енисейск, Василий Егорович Колпаков, житель деревни Гольтявино, вспоминал: «Собиралась артель мужиков человек десять и плыли вниз на илимке до самого города. Вниз-то чего не плыть, Ангара-матушка несет. Да если дни хорошие да верховка подует — так за пять дней доплывали. Плыли почти целыми сутками и только в порогах да в шиверах илимку подправляли веслами. Ну а обратно-то, вверх, приходилось туго. Илимка груженная, дорога далекая, ведь до Енисейска больше трехсот верст. Вот и шагаешь по берегу с лямкой на плече. Лямка-то такую мозолищу на плечах-то набивала! Хорошо, если низовка подует, так под парусом можно было идти. Если плесо было хорошим, ровным, то до тридцати и больше верст проходили. А ночевали на берегу у костра, только в дождь в илимке прятались». Сейчас нам, привыкшим к моторам, трудно представить этот тяжкий труд.

Изменился и сам характер торговых отношений. Это уже не был обмен пушнины на товар, привозимый купцом, в качестве расчета шли деньги. И уплата налога-производилась в денежном выражении. Если в самом начале освоения Приангарья налоги не платились вообще, то в 1724 году был введен подушный налог в размере семидесяти копеек с ревизской души. Первое время он брался пушниной, что было похоже на ясак, собираемый с тунгусов. Позже налог был доведен до одного рубля с души. А к концу XIX века он уже составлял три рубля. Но налоги, налагаемые на

ангарцев, были ниже, чем те, что платили проживавшие в более благоприятной части Енисейской губернии. И не было ограничений на земельные наделы, которые были в более южных частях губернии. Там надел ограничивался 15 десятинами. Отсутствие ограничений, видимо, связывалось с тем, что было стремление получить большее количество освоенной под пашню земли, хотя все прекрасно понимали, что разработка земель в условиях тайги представляла огромный труд.

НА ФОНЕ этих изменений в экономической жизни стали происходить и изменения социального плана, появилась тенденция к расслоению. Более оборотистые и инициативные стали заниматься торговлей, уходить на отхожие промыслы. Некоторые нанимали работников из числа ссыльных. Но все-таки основной достаток ангарского крестьянина достигался своим трудом. Тут надо отметить психологию ангарца, его стремление выглядеть не хуже других, а по возможности и превзойти соседа, чтобы можно было похвастать своим достатком. Примером может служить хозяйство Безруких Ильи Максимовича из Ярков. Имея семью из четырех человек, он держал пять лошадей, четыре коровы, овец и кур. И вчетвером они тянули из себя жилы, чтобы обиходить всю эту живность. Из пяти лошадей две вообще не работали, были выездными. Зато в праздник их украшали наборной сбруей, и хозяин катался, обгоняя всех, гордо поглядывая из кошевы. И сколько ни предлагали ему продать этих лошадей — он всегда гордо отказывался. И случалось, когда держали лишний скот только для того, чтобы выделиться, было много.

Несмотря на изменения, происходящие в общественной жизни, установившийся быт и патриархальные отношения почти не менялись. Правда, за счет прибывавших ссыльных, заезжих купцов кругозор ангарцев начал расширяться, до них стали доноситься отголоски процессов и событий, происходящих там, в другом, далеком и незнакомом мире. Но они были непонятны неграмотному ангарцу, и поэтому все политические страсти, убийства царей и губернаторов мало трогали аборигенов. Даже такие громкие события, как русско-японская война, революция 1905 года, прошли практически незамеченными. В армию с Ангары не брали, а революцию творить здесь было некому, да и незачем. И только Столыпинская реформа 1906 года в какой-то мере заинтересовала

ангарцев. Она была связана с переселением крестьян из малоземельных губерний в Сибирь. Созданный в губернском управлении Переселенческий комитет отправлял в волость работников комитета для обследования возможности размещения переселенцев в Пинчугской волости, а также производил таксацию лесов Приангарья. Сейчас трудно установить, кто был переселен в наши края из России. Но одна фамилия установлена точно — это Мандрыгины из Ярково.

ПОСЛЕ революции 1905 года в волости резко возросло число ссыльных по политическим мотивам. Это были люди различных политических направлений: эсеры, кадеты, но особенно много последователей и соратников В. И. Ленина. Наиболее известны такие фамилии: Орджоникидзе, Перенсон, Берце, Шанцер, Джапаридзе, Савельев, Кюн, Дятлов.

О том, что это были люди различных политических убеждений, свидетельствует оставшееся от библиотеки Молчанова (видимо, уезжавшие ссыльные оставляли ему свою литературу). Там встречается датированная 1905 годом брошюра эсеров «Чего хотят люди, восстающие против правительства», истрепанный экземпляр ленинской «Искры», учебник «Эсперанто» со штампом «Арестованному Василию Боброву разрешаю. Начальник Варшавской каторжной тюрьмы полковник...»

В книге писателя Бориса Костюковского, работавшего в тридцатых годах секретарем комсомольской ячейки в Богучанах, «Русский Марат» о сосланном в наш район Шанцере есть такие факты: «Ссыльные в волости жили довольно свободно, так как в волости, кроме волостного старшины, никакого начальства не было. И ссыльные в основном были предоставлены самим себе. Но приезжавший раз в полгода исправник обращался к Енисейскому губернатору с просьбой назначить в Богучаны хотя бы одного жандармского унтер-офицера или, в крайнем случае, стражника для наблюдения за ссыльными».

Пользуясь относительной свободой, ссыльные часто собирались зимой в доме у Мутовиных (этот дом стоит до сих пор по переулку Орджоникидзе), а летом на берегу. Каверзин Петр Романович, один из старейших жителей Богучан, вспоминал: «Соберутся летом на берегу Ангары, раскладут огонь (костер) и спорят о чем-то. Ревут (кричат), руками машут, доказывают друг другу. Грамотны были! А вот к

Последние листья.

Отдых до весны.

рыбалке или охоте были не способны». (По понятиям ангарца, человек, не способный рыбачить или охотиться, был неполноценным). Споры, возникавшие среди ссыльных, были, видимо, вызваны их различными политическими взглядами. Член ЦК Рижского подполья Дмитрий Григорьевич Дятлов, сосланный на Ангару, позже живший в Красноярске и умерший в 1955 году, рассказывал, что на встречах не только спорили и говорили о политике, но читали стихи, пели песни. Читали модного в то время Надсона «Только утро любви хорошо», «Реквием» Палмина с мужественными словами: « Не плачьте над трупами павших бойцов, погибших с оружием в руках, не пойте над ними надгробных стихов, слезой не скверните их прах». Но особенно часто звучала популярная среди высланных песня на стихи Ивана Гольц-Миллера «Слушай». Начиналась она словами: «Как дело измены, как совесть тирана, осенняя ночка черна. Черней этой ночи встает из тумана видением грозным тюрьма. Кругом часовые шагают лениво, в ночной тишине, то и знай, как стон, раздается протяжно, тоскливо: «Слушай! Слушай!» Песня эта была написана Гольц-Миллером в тюрьме, где он сидел за революционную деятельность.

При всем том, обладая незаурядной культурой, знаниями, образованием, ссыльные этого периода в основной своей массе почти не оставили следа в памяти аборигенов. Или потому, что абсолютно неграмотные, с ограниченным кругозором ангарские крестьяне не воспринимали их рассуждений. Или, видя убогость мышления местного населения, больше всего занятого мыслью о том, как прожить, ссыльные старались держаться от него подальше, не вступая в контакты, тем более в политическом плане, соблюдали осторожность. Местная же «элита» пользовалась услугами ссыльных, используя их для подготовки своих детей к поступлению в гимназию. В Енисейской гимназии учились дети волостного старшины Молчанова, купца Толстых.

Некоторые из высланных пытались найти отдушину в занятии просветительской деятельностью. Жена полковника Мясоедова, расстрелянного в 1915 году за связь с немецкой агентурой, сосланная в Богучаны, добилась разрешения работать в школе и пыталась открыть общедоступную библиотеку. Студент Петербургского университета этнограф Савельев Антон Антонович занимался этнографией и сбором фольклора. Результат его работы — ряд материалов в крае-

вом музее и Историческом музее в Москве. Но основная масса сосланных для коренного населения прошла незаметно.

ИЗМЕНЕНИЯ, начавшиеся в жизни волости — открытие школ, почтовая связь, оживление торговли, стали положительными моментами. Но вместе с этим ангарцы обнаружили и то, что общение с новыми людьми, которых они встречали с душевной простотой, с ангарским радушием, оказывается, могло нести и неприятности. Они узнали, что замок — вещь необходимая, стали учащаться случаи кражи, само страшное, грабежей и убийств. Один нашумевший случай произошел в 1908 или 1909 году, когда был убит житель деревни Пинчуга, возвращавшийся на лодке из Иркутской губернии, где работал на присках. Убили его в районе нынешнего Абакана, на месте гибели был поставлен огромный просмоленный черный крест, который стоял до начала пятидесятых годов, пугая идущих по берегу бечевой людей.

С появлением большого числа ссыльных появились свободные руки и часть высланных нанималась на работу в хозяйства некоторых мелких лавочников, купцов и служителей церкви. То есть к тем, кто мог содержать дополнительную рабочую силу. По данным за 1913 год за Петро-Павловским приходом Богучанской церкви числилось 55 десятин пахотных земель, не считая покосов и огородных наделов. Священник получал 300 рублей жалования в год и плюс 25 процентов кружечного сбора, который достигал до 400 рублей в год (75 процентов уходило в епархию). (Данные из справки краевого архива и музея). Священник, дьячок, псаломщик для обработки этих земель могли содержать наемную силу. Тем более, что цены в те времена были очень низкие: корова стоила 10—15 рублей, а пуд пшеницы — до двух рублей.

Те перемены, что произошли к началу XX века, слабо отразились на жизни ангарцев. Как и раньше, они жили своей жизнью, ограниченной работой в поле, охотой, рыбалкой. Если кто и следил за жизнью там, во внешнем мире, так это ссыльные да еще в какой-то мере служители церкви и волостные служащие. Начавшаяся в 1914 году первая мировая война фактически никак не повлияла на жизнь ангарцев. В армию их все еще не брали, газет они не читали. Да, кто-то где-то там воюет — ну и пусть воюет, а

какой урожай будет и будет ли белка в этом году — вот что самое главное.

В ОКТЯБРЕ 1917 года произошло событие, которое потрясло весь мир и впервые за многие годы всколыхнуло патриархальную жизнь ангарцев. Известие об Октябрьской революции в Богучаны пришло лишь в начале декабря 1917 года. Смоллин Иван Ильич, Каверзин Петр Романович — старые и уважаемые жители Богучан — рассказывали так: «В декабре пригнали почту и привезли весть, что произошел переворот и царя согнали с престола. В волости собрали сход, и Молчанов сказал, что царя сейчас нету, как жить будем, мужики? Мужики подумали и ответили так: «А что царь, кто его видел? Мы не видели. Как жили, так и жить будем». На том и порешили». Рядовые крестьяне не предполагали, что будут коренные изменения, считая, что если есть земля, есть леса и река, то и образ жизни останется прежним.

Известие о революции всколыхнуло ссыльных, но их деятельность не была направлена на агитацию за свои взгляды, за революцию. Объединялись, забыв партийные разногласия, и кадеты, и эсеры, и большевики с единственной целью: как можно быстрее выехать туда, где шла борьба. Вскладчину, на последние гроши, бросая все, нанимали подводы, чтобы добраться до Канска, до железной дороги. Везжали не только «политические», но и уголовники.

Послереволюционный период, начиная с 1918 по 1920 год, был для населения Пинчугской волости по сути периодом безвластия. Бушевавшие политические страсти, когда шла сложная борьба за становление Советской власти в Енисейской губернии, сюда не доходили. В 1918 году была создана Тасеевская партизанская республика, которая существовала почти до конца 1920 года. Казалось бы, это совсем рядом, но деятельность республики не перешла через речку Чуну и не коснулась нашего Приангарья. 28 июня 1919 года произошло крупное сражение тасеевских партизан с колчаковцами, но даже это событие прошло мимо ангарцев. Будоражить их умы было некому. Ссыльные уехали, а эмиссарам того или иного политического толка добраться сюда было довольно трудно. Только от Канска надо было преодолеть огромное расстояние по таежным тропам, переправиться через Чуну и Бирюсу, сотню мелких таежных речек. Не менее сложным был и путь по Ангаре. В том и

другом случаях надо было тратить много времени и сил. Отбивало желание путешествовать и то, что малочисленное и неграмотное население не играло большой роли в политических битвах претендентов.

Этот почти двухгодичный период был очень своеобразным. Старая власть перестала существовать, новой еще не было. Волостью управлял сход крестьян под руководством волостного старшины Молчанова. Налоги не собирались, так как собирать их было некому, все вопросы внутренней жизни решал сход. Скурихин Иннокентий Николаевич, долгое время работавший в редакции «Ангарской правды» ответственным секретарем (ему в то время уже было двадцать два года), рассказывал: «Сход был очень действенным органом управления в деревнях и, в частности, Богучанах. Быстро и без проволочек решались все основные вопросы и споры, возникающие в практической жизни крестьян. За различные прегрешения назначались наказания. Иногда это было требование просить публично прощения у потерпевшего или материальная компенсация за нанесенный ущерб. Ну, а иногда и наказание розгами в присутствии наиболее уважаемых жителей деревни. Процесс был довольно прост. Виновного, чтобы не спрятался от наказания, запирали в «чижовку», своеобразную тюрьму. Почтенные и уважаемые люди собирались в «сборне» — месте, где проходил сход (дом этот сохранился). Виновника приводили, снимали соответствующую часть одежды, клали на скамейку, и избранный большинством исполнитель исполнял приговор. После виновник должен был благодарить «общество» за науку».

Свобода, возникшая от безвластия, дала свои положительные результаты. Многие стали строить новые дома (налоги-то не платили!), расширять посевные и сенокосные площади. В это время Смолиными из рода Никоновых был построен первый двухэтажный дом в Богучанах. (В этом доме, позже отобранном при раскулачивании, много лет находилась почта, и сейчас этот дом стоит на центральной улице в восточной части старых Богучан). Брюханов Александр Никифорович построил капитальные амбары под товары (позже, при раскулачивании, они были отобраны, и в них вначале размещалась мельница, позже — первая электростанция). У многих появились новые дома, но, как правило, они стали причиной раскулачивания.

В ЯНВАРЕ 1920 года Енисейская губерния полностью освободилась от колчаковцев. Разгромленные части армии Колчака бежали от наступающих частей Красной Армии на восток по железной дороге, а часть ее шла по Ангаре к Иркутску. И вот тут не знающие глубоких потрясений, связанных с политическими, а тем более с военными действиями, ангарцы испытали в буквальном смысле шок и глубокую растерянность. Огромная масса истощенных, голодных, деморализованных солдат передвигалась по Ангаре в сторону Иркутска. На своем пути они забирали у крестьян лошадей, продукты и не очень «мягко» обращались с населением. Были случаи ничем не оправданных расстрелов, случаи насилия. И если в деревнях, лежащих ниже по Ангаре, этот переход белой армии был неожиданностью, то во многих деревнях в среднем течении к этому были уже готовы. Как это происходило в Богучанах, рассказывал Мутовин Василий Мордарьевич: «Из Пинчуги наверх (то есть верхом) приехал мужик и привез весть, что идут белые, угоняют лошадей, забирают хлеб, худо с бабами обращаются. Посоветовались и решили, что всех добрых коней, сколько можно хлеба, девок и молодых баб увезти в тайгу на дальние покосы. Туда же уехали и молодые парни. Жили там почти неделю, пока прошла эта орда». Проходившие остатки белой армии везли с собой раненых и больных тифом.

Следом шли части Красной Армии и партизаны. Они тоже забирали лошадей и хлеб, но выдавали расписки, оставляли взымен лошадей, уже не годных к строевой службе. По свидетельству тех, кто пережил этот период, со стороны красных не было ни грабежей, ни насилия и с населением обращались очень лояльно.

Как те, так и другие оставили после себя эпидемию тифа. В результате вымирали целые семьи. В единственной сохранившейся церковной книге, где фиксировались рождения, крещения и смерти (церковь в те времена исполняла функции ЗАГСа), сплошь записи: «Умер в тифу».

Как и большинство социальных катаклизмов, революции, восстания влекут за собой насилия и гибель людей. Приход Красной Армии не прошел бесследно для жителей волости и, в частности, для Богучан. Были расстреляны волостной старшина Молчанов Николай Васильевич, священник Богучанского прихода Петра и Павла Петр Гуковский и еще один житель Богучан, занимавшийся коммерцией. Сейчас труд-

но судить, насколько была оправдана эта акция, но, по отзывам старожилов, все погибшие были весьма почтенными и уважаемыми жителями. Гибель этих людей тяжело сказалась на их семьях. Особенно трагичной она стала для семьи священника Гуковского. Жена его до самой смерти жила в маленькой комнатке в конторе колхоза, где работала техничкой. Дочь Надежда закончила в 1940 году Богучанскую среднюю школу на одни пятерки, обладала прекрасным голосом. Она пыталась поступить в мединститут, но ее не приняли (дочь врага народа), и она всю жизнь проработала в колхозе на самых разных работах. Дочь Молчанова Лариса в 1921 году вышла замуж за отставшего от белой армии офицера и уехала в Енисейск, а сын стал алкоголиком и постепенно спился.

После ухода белых в волости осталось немало рядовых и офицеров, которые не пошли дальше с остатками армии. Некоторые из них оставили добрую память у населения. Долгие годы в медицинских учреждениях района работал Чекулаев Спиридон Евменович, военный фельдшер. В системе кооперации работал поручик Александр Успенский — один из основателей художественной самодеятельности. В 1941 году он ушел на фронт и погиб под Ленинградом в 1943 году. В интернате Богучанской средней школы долгое время работала жена штабс-капитана царской армии Жигачева Анна Петровна, закончившая в свое время институт благородных девиц. Человек огромной культуры, она стремилась передать крестьянским детишкам, жившим в интернате, те чувства человеческого достоинства, такта и воспитанности, которыми обладала сама. И сейчас с чувством благодарности ее вспоминают многие, в частности, директор музея Черепанова Ульяна Григорьевна, в судьбе которой Анна Петровна принимала участие. Муж ее был арестован и, пробыв в тюрьме некоторое время, вернулся и работал в Богучанском леспромхозе бухгалтером.

С ПРИХОДОМ Советской власти произошли резкие изменения. Прежде всего кончилось безвластие. Ангарцам пришлось познакомиться с новыми словами и понятиями: «декрет», «продразверстка», «ТОЗы» и т. д. Декретом Советской власти земля была передана крестьянам. Внешне все оставалось так, как и было на протяжении веков. Крестьяне обрабатывали землю, косили сено, содержали скот, занимались охотой и рыбалкой. Но вместо знакомого и

привычного земельного налога была введена продразверстка, то есть сдача государству всех излишков сельхозпродукции, кроме установленных норм на личные и хозяйственные нужды. Это было непонятно крестьянам, привыкшим свободно распоряжаться плодами своего труда. Правда, с введением новой экономической политики (НЭПа) продразверстка была заменена продналогом — твердо фиксированным натуральным налогом с крестьянского хозяйства. Теперь крестьянин знал, что остается у него, и мог свободно распоряжаться этим остатком.

За годы фактического безвластия возросло количество крепких крестьянских хозяйств. Но это не пошло во благо, такие хозяйства стали постепенно «прижимать», увеличивая долю налога и вводя так называемое «твердое задание». Каверзин Михаил Михайлович вспоминает, что их хозяйство было не из последних, но то «твердое задание», что они должны были выполнять, было неподъемным. Позже это хозяйство было раскулачено.

Все эти реформы вызывали недовольство, но до каких-либо массовых выступлений дело не доходило. Хотя в европейской части России, в Западной Сибири, на Урале в те годы бушевали пожары крестьянских волнений: «антоновщина» в Тамбовской губернии, восстание крестьян в Екатеринбургской и Тюменской губерниях. Но здесь, на Ангаре (речь идет о нашем районе), не зафиксировано ни одного факта протivостояния властям. В то же время, по данным статистики 1921 г., в Центральной России так называемых кулацких хозяйств было 4—5 процентов, в Сибири — 15. И, судя по результатам раскулачивания, этот показатель на Ангаре был, наверное, еще выше. Но в отличие от Центральной России в Сибири и здесь, в Приангарье, зажиточность крестьянина обуславливал в основном его основной труд, и только 2—3 процента использовали наемную рабочую силу.

Постепенно, исподволь начинал проводиться вопрос об объединении крестьянских хозяйств для совместной работы на земле. Создавались ТОЗы (товарищества по обработке земли), коммуны. Вот некоторые сохранившиеся в архиве сведения об одной из первых коммун в деревне Чунояр, возникшей в 1921 году. В акте обследования коммуны, носящей название «Смерть капиталу», отмечалось: «При создании комму-

ны в нее вошли 11 семей, всего 45 человек. Способных к физическому труду было 23 человека, остальные 22 совершенно не трудоспособны. Рабочих лошадей было 2, нерабочих 3, дойных коров 11, телят нет, овец 30 голов, свиней 4 штуки. Из инвентаря: плугов 3 штуки, 9 борон, 1 сеялка, 1 веялка, две швейные машинки и другие мелкие сельхозорудия (!). Посеяно чуть больше трех десятин озимых, восемь с половиной десятин пшеницы, пять десятин других культур. На день обследования, то есть на 4 марта 1924 года, в коммуне осталось пять семей в числе 20 человек, трудоспособных 10. Рабочих лошадей стало 8, коров дойных 7, овец 25, три свиньи». В акте указывались причины выхода из коммуны. Большинство покинуло ее из-за семейных неурядиц, а один был исключен. В акте отмечалось увеличение посевных площадей и увеличение численности голов скота и лошадей. Интересно то, что коммунары ссылаются на трудность содержания школьного учителя, «который нам необходим как с общественной стороны, так и для коммунистического воспитания». Эта коммуна просуществовала до начала поголовной коллективизации. Подобные коммуны были и в других деревнях, в том числе и Богучанах.

Но коммуны были жизнеспособны не везде. Объяснялось это тем, что порой их существование принимало уродливые формы. Обобществлялось все: и куры, и вещи, и даже собственная одежда, во многих даже пища готовилась одна на всех. Большие рода и семьи старались не вступать в коммуны, так как они сами были фактически одной большой коммуной, связанной прочными родовыми связями, общим ведением хозяйства.

В ДЕКАБРЕ 1927 года на XV съезде партии был взят курс на коллективизацию. Сейчас трудно судить, была ли организация колхозов благом или бедой, но можно сказать одно, что расчет на массовое и добровольное вступление в колхозы не оправдался. И это повлекло целый ряд нарушений и произвола в решении вопроса их создания. Колхоз был привлекателен для слабых и немощных хозяйств, которые искали выход из своего бедственного положения. Шли те, кто по тем или иным причинам не мог обрабатывать землю и вести хозяйство. Но таких на Ангаре было мало, да и они порой не хотели быть колхозниками. О произволе, который творился при коллективизации, говорит хотя бы такой факт. В деревне Заимка был крестьянин

Михаил Лыжин, который, имея одну лошадь и корову, никак не подходил под категорию кулака. Но был раскулачен только за то, что на собрании по организации колхоза, указывая на агитатора, сказал: «Ну, хватит, Буско, лаять. Пошли, мужики, домой». На следующий день он был раскулачен и выслан из деревни.

Бедой была еще и в том, что люди, ведущие агитацию за колхозы, были в основном не местные, не знающие здешних условий. Борис Александрович Костюковский, писатель, член Союза писателей СССР, написавший немало книг и, в частности, «Русский Марат» (о Шанцере, который был выслан в Богучаны), в один из приездов сюда вспоминал: «В самый разгар коллективизации я, житель Центральной России, волной революционных течений был заброшен на Ангару и некоторое время был секретарем комсомольской организации Богучанского района, где активно участвовал в организации колхозов. И в революционном пафосе, сейчас сознаю, наломал огромное количество дров, решая этот серьезнейший вопрос».

Да, дров было наломано немало. И страшно то, что сломались многие судьбы, людям пришлось перенести многие беды и лишения. И особенно тем, кто не использовал труд других, добывая благополучие своим собственным трудом. Деревня Климино, семья Брюханова Григория Родионовича. Четыре сына, невестки, сам глава рода работали от зари до зари, имели маслобойку и мельницу с конным приводом. Эти орудия стали причиной раскулачивания, так как по определению комиссии могли быть предметами нетрудовых доходов. В Ярках были раскулачены семьи Безруких Семёна Левонтьевича и Безруких Василья Ефимовича по тем же причинам. И таких примеров множество. Но были в наших краях действительно кулаки, использующие труд батраков. Хотя бы Рукосуев Егор Иванович из деревни Бидея, державший работников, но сам не работавший в своем хозяйстве.

Как бы то ни было, но коллективизация в нашем районе прошла относительно спокойно. Здесь не было бегающих с обрезками кулаков, не убивали агитирующих за колхозы, многие приняли это как неизбежность, возникшую в результате «переворота», как здесь называли революцию. Раскулаченных срывали со своих мест и рассылали по деревням, так как дальше высылать было некуда — кругом Си-

бирь. Например, семья богучанца Каверзина Михаила Григорьевича была выслана в Чунояр, туда же была выслана семья Брюханова Александра Никифоровича. Из Климино выслались в Кюдинскую Займку, из Бедобы — в Заледеево и наоборот. Но привыкшие к труду переселенцы довольно быстро адаптировались на новых местах, обустроивались и вновь создавали крепкие хозяйства, но чаще всего уже на базе леспромхозов, куда их принимали с удовольствием как надежных рабочих; и многие из них стали передовиками производства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ

1. Костомаров Н.И., «Русская история», издательство «Вестник знания», С.-Петербург, 1902 год.
2. «Три века». Издание, посвященное трехсотлетию дома Романовых, С.-Петербург, 1913 год.
3. «Живописная Россия». Т. 12. «Восточная Сибирь», С.-Петербург, 1985 год.
4. «Край за две сталинские пятилетки», издание крайкультпросвета, 1937 год.
5. «Красноярский край». Красноярское краевое издательство, 1940 год.
6. «История Красноярского края». Красноярское книжное издательство, 1967 год.
7. «История Красноярского края». Красноярское книжное издательство, 1981 год.
8. «География Красноярского края». Красноярское книжное издательство, 1970 год.
9. «Все для фронта, все для Победы». Документы и материалы Великой Отечественной войны 1941- 1945 годов. Красноярское книжное издательство, 1978 год.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Остановиться, оглянуться.....	3
Краткая характеристика района.....	5
Заселение Приангарья.....	10
Жизнь и быт ангарцев.....	29
Период перед революцией 1917 года.....	60

Густав Дмитриевич
Шилько

Малая родина

Очерки по истории
Богучанского района

Редактор В.П.Метляева

Тех. редактор В.Х.Рубе

Художник Э.Д. Шилько

Корректор В.А.Мамченко

В брошюре использованы
фотографии из архива автора.

Над выпуском работали: С.Л. Севостьянова,
С.А. Мещеряков, Т.Н. Рожнова.

Сдано в набор 10.02.2000. Подписано в печать 16.11.2000.
Формат 60x84¹/₁₆. Гарнитура литературная. Печать
высокая. Бумага писчая. Услов. печ. л. 4,65.
Тираж 1000 экз. Заказ № 296.
Отпечатано в типографии газеты «Ангарская правда».
663430, с.Богучаны, ул.Октябрьская, 36.